

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

по направлению 41.03.04 - «Политология»

профиль: «Мировая политика и международные отношения»

**ОБРАЗ РОССИИ, ФОРМИРУЕМЫЙ В ЗАПАДНЫХ СМИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОСВЕЩЕНИЯ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА)**

Студентки 4 курса бакалавриата

Сулеймановой Элины Игоревны

подпись

Научный руководитель:

Доктор социологических наук, профессор

Грибанова Галина Исааковна

_/Подпись/

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения образа государства.....	9
1.1. Понятие и структура образа государства.....	10
1.2. Теория дискурса и анализ образа государства	19
1.3. История формирования русского «другого»	22
Глава 2. Образ россии в западных СМИ в контексте сирийского кризиса.....	35
2.1. Образ россии в либеральном дискурсе	35
2.2. Образ россии в консервативном дискурсе.....	41
2.3. Образ россии в националистическом дискурсе	47
Заключение.....	52
Список литературы	56
Приложение	62

ВВЕДЕНИЕ

Современные международные отношения все больше определяются не только военным и экономическим потенциалом государств, но и «мягкой силой», то есть возможностью одних стран менять поведение других с помощью формирования представлений о собственных ценностях и культуре и определения «друзей» и «врагов» на мировой арене.¹ Значимую роль в такой категоризации играют образы государств, на формирование и корректировку которых тратится все больше усилий.² Тем не менее, не всегда такие усилия достигают успеха, образ государства формируется не только институтами власти в рамках государственной политики по его формированию, но и оппозиционными политическими силами, средствами массовой информации, академическим сообществом, существующими социальными стереотипами и массовой культурой.³ При этом, СМИ играют ключевую роль в формировании образов государств у других участников международных коммуникаций, поскольку с их помощью большинству людей удается получить доступ к миру за пределами их непосредственного социального опыта.⁴ Как отмечает Е.Б. Шестопал, СМИ формирует образ государства не только у населения, но и у лиц, принимающих решения, которые обращаются к медиа не только, чтобы транслировать свои сообщения, но и сформировать свое представление о том, как важные политические вопросы отражаются в общественном мнении.⁵ Следовательно, образ государства в СМИ влияет как на принятие внешнеполитических решений, так и на их восприятия общественностью. Таким

---

¹ Cerny P. G. Reconfiguring Power in a globalizing world // The Sage Handbook of Power / ed.: Clegg S., Haugaard M. – London: Sage, 2009. – P.395-399.

² Например, на PR агентство Ketchum, занимавшимся имиджем России за рубежом, с 2006 по 2015 гг. было потрачено 23 млн долларов из бюджета, и 17 млн заплачено «Газпромом». См. Мартынов К. Россия без Ketchum [Электронный ресурс] / Новая Газета. – 15.03.15. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/16/63404-rossiya-bez-ketchum>. – Дата обращения: 22.03.17.

³ Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. – London; New York: Routledge, 2006. – P. 7.

⁴ Lang J.S. Foreign Policy and the Media. The US in the Eyes of the Indonesian Press. – London: Macmillan Publishers Ltd. – 2016. – P. 9.

⁵ Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. – С.8.

образом, знание о том, как государство репрезентируется в международных отношениях в СМИ, имеет высокую значимость в проведении внешней политики, позволяя выделить риски и возможности реализации определенных стратегий.

Особенно важным это становится в условиях информационных войн между Россией и Западом, толчком к которым стало присоединение Крыма.⁶ СМИ и социальные медиа стали важнейшим инструментом влияния на глобальное массовое сознание и инструментом информационных войн для эффективной передачи образов и смыслов с целью подрыва «боеспособности» противника,⁷ которой в случае России и Запада выступает влияние на международные события. На создании образа врага и оправдании собственных действий посредством СМИ сосредоточилась информационная борьба России и западных стран относительно событий в Сирии, в контексте которых «два мира» (западный и восточный) «сообщают о событиях и интерпретируют их поразительным образом обвиняя и изображая злобный портрет друг друга».⁸

Одним из ключевых направлений во внешней политике России на данный момент является попытка урегулировать сирийский кризис, начавшийся в 2011 г. и вовлекший много участников, в том числе западные страны: США, Великобританию и Францию. Сложность данного конфликта заключается в том, что кроме военного и геополитического измерения, существует также ценностное измерение: происходит столкновение ценностей, культур, идеологий,⁹ которые легитимируют действия союзников и делегитимируют действия противников. Подобная легитимация происходит в СМИ, формирующих образы участников конфликта и влияющих на принятие решений,

---

⁶ Василенко И.А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны // Власть. – 2014. – № 10. – С. 204.

⁷ Дукин Р.А. Социальные медиа в эпоху информационных войн и угроза информационной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. – 1 (13). – С. 53-55.

⁸ Baing J., Lodhi S. War of Worlds: Russia and US over Syria // Foreign Policy News. – 25.12.2016. – URL: <http://foreignpolicynews.org/2016/12/25/war-words-russia-us-syria/>. – Дата обращения: 15.05.17.

⁹ Khashanah K. The Syrian Crisis: a systemic framework // Contemporary Arab Affairs. – 2014. – Vol. 7, No. 1. – P. 1–21.

определяющих ход конфликта. Несмотря на то, что целью и России, и западных стран декларировалась победа над радикальными исламистскими формированиями, образ России в публикациях западных СМИ был преимущественно негативным. В своей работе мы постараемся осветить тенденции этого процесса.

Проблематика образа государства в современной литературе представлена в работах Е.Б. Шестопаля,¹⁰ А.В. Федякина,¹¹ И.С. Семеновича,¹² А.А. Гравер,¹³ Е.В. Егорова-Гантман и К.В. Плешаков.¹⁴ Образ государства в международных отношениях занимает место в исследованиях И. Ю. Киселева,¹⁵ А.Г. Смирновой,¹⁶ Т.Э. Гринберг,¹⁷ В.Е. Морозова,¹⁸ Л. Хансен,¹⁹ Р. Холла,²⁰ Л. Петерссона,²¹ Дж. Лэнга,²² Е. Тарашевой.²³ Исследованием образа России на мировой арене посвящены работы О.В. Рябова и А. де Лазари,²⁴ Т. Хопфа,²⁵ Е.

¹⁰ Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопаля. – М.: Аспект Пресс. 2008. 288 с.

¹¹ Федякин А. В. Образ государства: теоретико-методологические аспекты // Аспекты: сб. ст. по философским проблемам истории и современности. – М.: Современные тетради. – 2005. – Вып. III. – С. 178-190.

¹² Семенович И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 7-18.

¹³ Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – №3 (19). – С. 29-45.

¹⁴ Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Политическая реклама. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 240 с.: с илл.

¹⁵ Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма [Электронный ресурс] // Политэкс. – 2007. – №3. – URL: <http://www.politex.info/content/view/367/30/>. – Дата обращения: 29.01.17.

¹⁶ Смирнова А. Г. Образ государства как инструмент познания угрозы в международных отношениях (на примере ядерной программы Ирана) // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. С. 34-44.

¹⁷ Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс]. Медиаскоп. – 2008. – №2. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/252>. – Дата обращения: 15.02.17.

¹⁸ Морозов В.Е. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом [Электронный ресурс]. – Международные процессы. – 2014. – № 3 (38)– URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm>. – Дата обращения: 29.01.17.

¹⁹ Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. – London; New York: Routledge, 2006. – 239 p.

²⁰ Hall R. B. The Discursive Demolition of the Asian Development Model // International Studies Quarterly. – 2003. – Vol. 47, no. 1. – P. 71–99.

²¹ Pettersson L. Changing images of the USA in German media discourse during four American presidencies // International journal of cultural studies. – 2011. – Vol. 14(1). – P. 35–51.

²² Lang J.S. Foreign Policy and the Media. The US in the Eyes of the Indonesian Press. – London: Macmillan Publishers Ltd. – 2016. – 255 p.

²³ Tarasheva E. The Image of a Country created by International Media: The Case of Bulgaria. – Cambridge Scholars Publishing. – 2014. – 185 p.

²⁴ «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 368 с.: с ил.

²⁵ Hopf T. Identity, Legitimacy, and the Use of Military Force: Russia's Great Power Identities and a Military Intervention in Abkhazia // Review of International Studies. – 2005. – Dec. – P. 225-243.

Адамовски,²⁶ В. Барановски,²⁷ К.Д. Кристофа,²⁸ В.Е. Морозова,²⁹ И. Нойманна,³⁰ М. Малиа,³¹ И.С. Семенов, В.В. Лапкина, В.И. Пантина,³² В.И. Журавлевой.³³ Образ России в иностранных СМИ рассматривался Д. Хрустальевым,³⁴ А.Л. МакФи,³⁵ Т.Н. Пищевой, Н.С. Виноградовой, А.Д. Недовой,³⁶ Д.В. Просянюк,³⁷ А. П. Цыганковым,³⁸ М. Полом.³⁹ Подходы этих авторов к образу государства и его исследованию, избирательно дополненные друг другом, являются основой методологии данной работы.

Теоретическому подходу к дискурсу и дискурс-анализу посвящены работы М. Фуко,⁴⁰ М.В. Йоргенсон и Л. Филлипс.⁴¹ Они применены нами к раскрытию образа России в дискурсах западных СМИ.

Объектом исследования работы являются западные СМИ. Предметом исследования – характерные особенности образа России в либеральном,

---

²⁶ Adamovsky E. Russia as the Land of Communism in the Nineteenth Century? Images of Tsarist Russia as a Communist Society in France, c. 1840-1880. // *Cahiers du Monde Russe*. – 2004. – Vol.45, No.3/4. – P. 497-519.

²⁷ Baranovsky V. A Part of Europe or Apart from Europe? // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. – 2000. – Vol.76, No.3, Europe: Where Does It Begin and End? – P. 443-458.

²⁸ Kristof K.D. The Geopolitical Image of the Fatherland: The Case of Russia // *The Western Political Quarterly*. – 1967. – Vol.20, No.4. – P. 941-954.

²⁹ Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение. 2009. – 656 с.

³⁰ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисловие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – 336 с.

³¹ Malia M.E. Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. – London: Harvard University Press. – 1999. – 514 p.

³² Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы) // *Полис. Политические исследования*. – 2006. – №6. – С. 110-124.

³³ Журавлева В.И. Свет американской свободы и «империя тьмы»: образ России в контексте «новой мессианской идеи» в США [Электронный ресурс] // *Новый исторический вестник*. – 2008. – №1 (17). – URL: http://www.nivestnik.ru/2008_1/15.shtml. – Дата обращения: 07.04.17.

³⁴ Хрустальев Д. Происхождение русского медведя. Новое литературное обозрение. № 107. 2010. С. 137-152.

³⁵ MacFie A.L. Opinions of the European Press on the Eastern Question, 1836 // *Middle Eastern Studies*. – 1991. – Vol.27, No.1. – P. 131-139.

³⁶ Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 4. – С. 107-121.

³⁷ Просянюк Д.В. Теоретико-методологические основания изучения образа России в зарубежных средствах массовой информации // *Человек. Управление. Общество*. – 2013. – №1. – С.32-47.

³⁸ Tsygankov A.P. The dark double: the American media perception of Russia as a neo-Soviet autocracy, 2008–2014 // *Politics*. – 2017. – Vol. 37(1). – P. 19–35.

³⁹ Paul M.C. Western Negative Perceptions Of Russia: "The Cold War Mentality" Over Five Hundred Years // *International Social Science Review*. – 2001. – Vol. 76, No. 3/4. – P. 103-121.

⁴⁰ Foucault M. *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*. – New York: Pantheon Books, 1972. – 246 p.

⁴¹ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2е изд., испр. – Харьков.: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. – 624 с.

консервативном и националистическом дискурсе СМИ США, Франции и Великобритании.

Целью работы является выявление специфики образа России, формируемого в западных СМИ на материалах освещения сирийского кризиса. Отсюда вытекает необходимость решения следующих задач:

- 1) Определение понятия и структуры образа государства для проведения анализа на основе существующих в современной политической науке теоретико-методологических подходов;
- 2) Разработка инструментария для проведения дискурс-анализа на основе теории дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа;
- 3) Раскрытие основных паттернов идеи русского «Другого», сформировавшихся в западных странах на протяжении истории их взаимоотношений с Россией;
- 4) На основе анализа статей, связанных с предметом исследования, выявление базовых характеристик образа России в дискурсе западных СМИ, детерминирующих представление о ее роли в конфликте.

В качестве источников мы решили взять электронные СМИ поскольку, согласно докладу организации «European Journalism Observatory», именно электронные СМИ наряду с телевидением становятся самым популярным источником информации.⁴² Мы решили ограничиться электронными СМИ США, Великобритании и Франции, так как именно эти страны наряду с Россией участвуют в сирийском конфликте. Кроме того, мы можем утверждать, что СМИ именно этих стран формируют западный дискурс о России.⁴³ Мы не стали брать немецкие СМИ потому, что Германия не участвует в сирийском конфликте.

---

⁴² Digital News Report: Most Europeans excess news online...and on Television // European Journalism Observatory. – 23.10.15. – URL: <http://en.ejo.ch/digital-news/digital-news-report-most-europeans-access-news-online-and-on-television>. – Дата обращения: 03.02.17.

⁴³ Поскольку они являются самыми посещаемыми согласно статистике компании «Алекса Интернет». См. The top 500 sites on the web // Alexa. URL: <http://www.alexa.com/topsites/category/Top/News/Newspapers>. – Дата обращения: 31.03.2017.

Чтобы выяснить, зависят ли образы России от идеологии, мы рассмотрим, как образ России формируется в электронных СМИ, представляющих либеральный, консервативный и националистический дискурсы. Либеральный дискурс будет изучен на материалах *The New York Times*, *The Guardian* и *Le Monde*, консервативный – *The Wall Street Journal*, *The Telegraph* и *Le Figaro*, националистический – *Breitbart*, *Daily Express* и *La Tribune*. Несмотря на влияние социалистических СМИ в Европе, мы не включили их в выборку, чтобы сделать правомерное сравнение с дискурсами США, где левая пресса не играет значительной роли.

Мы проанализируем статьи за период с 30 сентября 2015 (начала военной операции ВКС РФ в Сирии) по конец января 2016, поэтому мы ожидаем, что нам удастся проследить динамику репрезентаций России. Нами будут рассмотрены ключевые события конфликта с участием России: начало операции ВКС РФ в Сирии, объявление о соглашении России и США по прекращению огня в Сирии в феврале 2016, заявление В. Путина о выводе основного контингента ВКС РФ и возвращение Пальмиры сирийской армией в марте 2016, начало перемирия в сентябре 2016 и его завершение в связи с нападением на гуманитарный конвой, выход доклада об использовании химического оружия сирийским режимом в ноябре 2016, взятие Алеппо и договор между Россией и Турцией о перемирии в декабре 2016 (статьи по всем СМИ представлены в Приложении).

В работе мы используем постструктуралистский подход, рассматривающий социальный мир как смысловое поле, структура которого совпадает со структурой языка. Соответственно, внешняя политика рассматривается как дискурсивная практика, основой и продуктом которой является идентичность.⁴⁴ Мы исходим из того, что внешняя политика приписывает ситуации социальное значение и конструирует объекты, исходя из него, так, что они опираются на идентичности других государств и свою собственную, которые конструируются

---

⁴⁴ Hansen L. *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. – London; New York: Routledge, 2006. – P. 17-26.

через совокупное расположение знаков, или дискурс. Целью дискурса о внешней политике является создание устойчивой связи между репрезентацией идентичности и проводимой политикой.⁴⁵ Следовательно, дискурс-анализ позволит нам раскрыть связь между образом России и взаимоотношениями России и Запада в конфликте.

В качестве метода исследования мы будем использовать теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, которая позволит реконструировать образ России через систему знаков, значение которых обусловлено их взаимосвязью и дифференциацией. Кроме того, постструктурализм рассматривает дискурс как открытый к изменениям, которые происходят в результате борьбы дискурсов за установление значений знаков.⁴⁶ Таким образом, теория дискурса позволит нам изучить, как в различных дискурсах формируется и используется образ России, участвуя во властных отношениях в сирийском конфликте.

Теория Лаклау и Муфф также использовалась для исследований в рамках конструктивизма. Несмотря на то, что в конструктивизме есть несколько течений, их объединяют представления о социальном конструировании знания и конструировании социальной реальности.⁴⁷ Речь не просто отражает, но конструирует отношения и образы.⁴⁸ Таким образом, несмотря на отличия в онтологии, эпистемология постструктурализма и конструктивизма имеет много общего. Э. Адлер⁴⁹, Д. Ферон⁵⁰ и А. Вендт⁵¹ считали, что в изучении международных отношений совмещение методов разных подходов может дать плодотворные результаты. Поэтому в рамках нашей работы мы дополним

---

⁴⁵ Hansen L. *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. – London; New York: Routledge, 2006. – P. 5-16.

⁴⁶ Морозов В.Е. *Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества*. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 16-20.

⁴⁷ Adler E. *Constructivism and International Relations: Sources, Contribution, and Debates // Handbook of International Relations / ed.: Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A.* – London: SAGE Publications, 2013. – P. 113.

⁴⁸ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. *Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. - 2е изд., испр. - Харьков.: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. – с.18*

⁴⁹ Adler E. *Constructivism and International Relations: Sources, Contribution, and Debates // Handbook of International Relations / ed.: Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A.* – London: SAGE Publications, 2013. – P. 112-145.

⁵⁰ Fearon J. and Wendt A. *Rationalism v. Constructivism: A Skeptical View // Handbook of International Relations / ed.: Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A.* – London: SAGE Publications, 2002. – P. 68.

⁵¹ Wendt A. *On Constitution and Causation in International Relations // Review of International Studies*. – 1998. – Vol. 24, no. 05. – P. 115.

постструктуралистскую методологию концептуальными разработками конструктивистов. Кроме того, мы рассмотрим политико-психологический подход и медиа-исследования, чтобы сформировать инструментарий анализа.

В первой части работы мы рассмотрим концепт образа государства, методику дискурс анализа для его изучения, и историю формирования образа России. Соответственно, мы обозначим структуру образа государства, значения элементов которого мы будем исследовать через систему знаков дискурсов, связанных с устойчивыми представлениями о России, которые мы выявим.

Во второй части работы мы исследуем образ России, формируемый в либеральном, консервативном и националистическом дискурсах западных СМИ, освещающих события сирийского кризиса, используя инструментарий, сформулированный в первой части.

В заключении мы сделаем выводы об образе России в контексте сирийского кризиса, его репрезентациях в указанных дискурсах, динамике изменений, формируемых аспектах образа, как они влияют на отношения Запада и России в конфликте и ее роль.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

В данной главе нами будут рассмотрены теории, необходимые для исследования, а также истоки образа России. В первом параграфе мы рассмотрим различные подходы к образу государства и сформулируем концепт, который будет использован в анализе. Второй параграф будет посвящен теории дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф и возможностям ее применения для исследования образа государства. В третьем параграфе мы проследим историю формирования образа России в западных странах с целью выявить его черты, седементированные в дискурсе, а также тенденции его изменений.

1.1. ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

В данном параграфе мы рассмотрим постструктуралистский подход к исследованию образа государства, а также подходы политической психологии, медиа исследований и конструктивизма, чтобы использовать их методологию в нашем исследовании.

Перед тем, как перейти к образу государства, мы обратимся к М. Фуко, чей подход к дискурсу как власти, будет подходящим для понимания взаимосвязи дискурса и событий сирийского конфликта. Фуко утверждал, что власть дискурса заключается в установлении режима правды, утверждающего определенное знание как истинное. Он устанавливается правилами включения в дискурс и исключения из него, воплощенных в социальных институтах и нормах, которые определяют способ мышления и практики. Дискурс зависит от определенного эпистемологического контекста – структуры мышления, характерной для определенной исторической эпохи.⁵²

Идентичности представляют собой знания о себе и других. Таким образом, дискурс конструирует идентичности посредством указания черт Себя (правила

---

⁵² Foucault M. The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. – New York: Pantheon Books, 1972. — P. 215-234.

включения) и Другого (правила исключения) в конкретный исторический момент (но может быть связан с предыдущими дискурсами), определяя тем самым некоторые практики как нормальные и легитимные, а другие как запрещенные и нелегитимные. Таким образом, используя постструктуралистский подход, можно рассматривать дискурс СМИ как включающий или исключаящий образ России в режимы правды, установленные западными дискурсами. Для исследования правил включения и исключения из режима правды Фуко предлагал использовать генеалогию как метод анализа. Генеалогия представляет собой «историю настоящего», для понимания которого нам необходимо проследить, когда определённые феномены были нормализованы в дискурсе.⁵³ В нашей работе мы не будем использовать генеалогию, но рассмотрим, как менялся образ России на западе в разные периоды истории, чтобы более полно интерпретировать значения знаков, которыми западный дискурс наделяет его.

Л. Хансен использовала эпистемологию Фуко для дискурс-анализа боснийской войны и показала, что борьба дискурсов привела к изменению политики Запада от невмешательства к интервенции. Хансен использовала концепцию базового дискурса — идеальной конструкции, состоящей из пространственно-временной идентичности, степени отличия Другого и этической идентичности.⁵⁴ Анализ Хансен показывает, как можно использовать концепцию базового дискурса в качестве структуры образа государства. Кроме того, Хансен делает акцент на различных степенях и основаниях отличия «Другого», утверждая, что они могут изменяться.⁵⁵ В данной работе мы проследим насколько Россия представлена отличной от Западных стран в дискурсах СМИ разной направленности, и менялись ли эти степени.

Далее мы исследуем другие подходы к образу государства, чтобы создать инструмент для проведения дискурс-анализа.

---

⁵³ Foucault M. *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*. – New York: Pantheon Books, 1972. – P. 228-233.

⁵⁴ Hansen L. *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. – London; New York: Routledge, 2006. – P. 84-102.

⁵⁵ Там же: p. 35-36.

Анализ текстов является одним из основных направлений методов, используемых конструктивистами. Для конструктивизма международные отношения существуют только в дискурсе о них, а основными акторами этих отношений выступают не сами государства, но представления о них, формируемые посредством артикуляции в дискурсе. Следовательно, образы государств представляют собой дискурсивные конструкции, изменения которых меняют сами международные отношения.⁵⁶

Р. Б. Холл утверждал, что дискурсы имеют конституирующий эффект («реконструируют настоящие и будущие условия для действий»)⁵⁷, исследуя, как в дискурсе утвердилось представление о южнокорейской экономике как «клановом капитализме», обозначенным как причина кризиса. Так, министерству финансов США, ВМФ и правительству Ким Дэ Чжуна с помощью дискурса удалось делегитимировать экономическую политику Южной Кореи и изменить ее, хотя кризис был вызван падением валюты, а до этого экономика страны эффективно развивалась. Согласно Холлу, дискурсивные практики создают нарративные структуры, которые конструируют и реконструируют социальные значения. Значения конструируют идентичности и интересы, через которые прошлые и настоящие практики легитимируются и делегитимируются.⁵⁸ Следовательно, репрезентация государства в дискурсе легитимирует или делигитимирует его действия через конструирование его идентичности и интересов, которые соотносятся с субъектами дискурса, определяя легитимные действия в отношении репрезентуемого государства.

Дж. Лэнг отмечает, что образ государства неразрывно связан с идентичностью, которые изменяются параллельно. На формирование образа государства влияют стереотипы, к которым реципиенты образа обращаются при

---

⁵⁶ Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма [Электронный ресурс] // Политэкс. – №3. – 2007. – URL: <http://www.politex.info/content/view/367/30/>. – Дата обращения: 29.01.17.

⁵⁷ Hall R. B. The Discursive Demolition of the Asian Development Model // International Studies Quarterly. – 2003. – Vol. 47, no. 1. – P. 71.

⁵⁸ Там же: p. 73-100.

получении информации о «Другом», геополитическая ситуация и текущие события, представленные в СМИ.⁵⁹ Несмотря на то, что через эту призму Лэнг исследовал образ внешней политики США в индонезийской прессе, данная структура представляется подходящей для анализа образа государства в условиях военного конфликта, однако мы не считаем ее исчерпывающей для нашего анализа, поэтому рассмотрим другие подходы.

Исследования И. Ю. Киселева и А.Г. Смирновой являются примером междисциплинарного подхода, совмещающего политическую психологию, конструктивизм и теорию принятия решений. Киселев рассматривает образ государства как результат познания других участников, истекающий из интересов познающего государства, которые включены в его идентичность. В результате процесса познания конструируется образ государства, имеющий трехкомпонентную структуру: национальная идентичность (характеризуется географическим положением, организацией политической и экономической жизни, военной мощью, культурой и историей, этническим и религиозным составом населения, разделяемыми ценностями и убеждениями), статус государства на международной арене (определяется положением в системе международных отношений, членством в международных организациях, дружественными или враждебными отношениями с теми или иными странами) и роль.⁶⁰ Его подход к операционализации образа государства представляется интересным для данной работы, но делая акцент на роли идентичности в его формировании, он опускает механизм влияния.

Представления о собственной идентичности, согласно А.Г. Смирновой, становятся отправной точкой для конструирования представлений о других государствах, восприятия сходств и различий.⁶¹ Соответственно,

---

⁵⁹ Lang J.S. Foreign Policy and the Media. The US in the Eyes of the Indonesian Press. – London: Macmillan Publishers Ltd. – 2016. – P. 6-8.

⁶⁰ Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма [Электронный ресурс] // Политэкс. – №3. – 2007. – URL: <http://www.politex.info/content/view/367/30/>. – Дата обращения: 29.01.17.

⁶¹ Смирнова А.Г. Познание в международных отношениях: основные характеристики // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 12, выпуск 4. – С. 559.

конструирование образа государства и идентичности взаимно обуславливающие процессы. Идентичность государства обуславливает его взаимоотношения с другими государствами, их восприятие, формирование образа Другого, дальнейшие взаимодействия с ним.

Государства формируют и воспроизводят идентичности, относительно устойчивые концепты Себя и Другого, в процессе социального взаимодействия с другими участниками международных отношений, пишет А. Вендт.⁶² Идентичность он определяет как относительно стабильные, основанные на ролях, ожидания актора. Вендт разделяет корпоративную идентичность (существование государства как территории и населения) и социальную (набор характеристик, проявляющийся при идентификации с Другим). Рассматривая первую как сферу внутренней политики, Вендт принимает ее как заранее известную и опускает из анализа.⁶³ Мы считаем, что игнорируя внутреннюю идентичность государства, Вендт упускает важный аспект формирования внешней идентичности, а соответственно и образа Другого, и наоборот. В частности, Т. Хопф отмечает, что важные международные Другие могут вызывать перемены в государственной идентичности, работая в пространстве, ограниченном внутренней идентичностью государства.⁶⁴ Так он утверждает, что образы Европы и США влияют не только на внешнюю политику России, но и на ее внутреннюю идентичность.⁶⁵

Коллективные идентичности (государства), по мнению И. Нойманна, являются социальными явлениями и конструируются воображаемым материалом, из которого они состоят, и материалом, лежащим вне их. С ним они имплицитно сравниваются с помощью набора маркеров, конструируя

---

⁶² Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politic // International Organization. – 1992. – Vol. 46, No. 2. – P. 405.

⁶³ Морозов В.Е. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом [Электронный ресурс]. – Международные процессы. – 2014. – № 3 (38) – URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm>. – Дата обращения: 29.01.17.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Hopf T. Identity, Legitimacy, and the Use of Military Force: Russia's Great Power Identities and a Military Intervention in Abkhazia // Review of International Studies. – 2005. – Dec. – P. 227.

представления о Себе и Другом, структурируя социальное поле, определяя границы возможных действий.⁶⁶ И. Нойманн отмечает, что проблемой при разграничении идентичностей становятся не «объективные» культурные различия, а способ активизации символов, становящихся частью капитала идентичности данного коллектива. Любое различие, сколь угодно мелкое, может получить политическое значение и служить для их разграничения.⁶⁷ По его мнению, коллективные идентичности многогранны и должны изучаться, как таковые.⁶⁸ Соответственно, при изучении образа России нам следует связывать знаки в современном дискурсе с исторически сложившимися чертами русского «Другого», чтобы проследить активизацию капитала идентичности и провести глубокий анализ современного образа государства.

Важность идентичности для конструирования образа отмечает и Т. Гринберг. Она предлагает рассматривать образ государства как структуру, состоящую из блока объективных компонентов (геополитическое положение, ресурсный потенциал, национальное и культурное наследие, форма государственного устройства), блока социальных компонентов (настроения в обществе, деятельность общественных организаций, правовое пространство страны, эффективность организации власти, национальных образов-символов, образа политического лидера, инвестиционной привлекательности), идентичности: национальная идентичность, статус государства и выполняемые им роли в международных отношениях.⁶⁹ Данный концепт дополняет предложенный Киселевым, и иначе структурирует его. Эту структуру мы возьмем за основу операционализации образа государства, модифицировав ее для нашего исследования. Однако прежде чем сформулировать наш инструментарий для анализа, мы рассмотрим еще два подхода.

---

⁶⁶ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисовие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 14-15.

⁶⁷ Там же: с. 67.

⁶⁸ Там же: с. 68-69.

⁶⁹ Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс]. – Медиаскоп. - №2. – 2008. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/252>. – Дата обращения: 15.02.17.

Изучением восприятия, поведения и образов в большей степени занимается политическая психология. По мнению Е.Б. Шестопал, политический образ представляет собой отражение реальных характеристик объекта восприятия и, в тоже время, проекцию ожиданий субъекта восприятия, основанную на ценностях, стереотипах и установках, присущих массовому сознанию.⁷⁰ Среди объективных характеристик выделяются территория, история, политические институты и процессы, лидеры – соответственно их репрезентация изменчива⁷¹. Подобным образом постструктурализм утверждает, что среди знаков в дискурсах есть такие, значение которых более устойчиво, и при формировании идентичностей они влияют на фиксацию значения новых знаков. Л. Кристоф считает, что образ государства конструируется на образах народа, истории и географического положение, восприятие которых смешивается с прошлым, легендами и фольклором.⁷² В то же время, англоязычные СМИ по-прежнему продолжают использовать стереотипы о Российской империи и СССР при формировании образа современной России⁷³. Все это указывает на необходимость изучить седиментированные черты образа России в западном дискурсе.

Образ государства существует в дискурсе СМИ, как перформативные отношения между идентичностью и политическими решениями, взаимно обуславливающие друг друга. Эта обусловленность прослеживается в структуре образа государства как элемент будущего: «образ потребного будущего» и «образ-прогноз» в исследованиях Е.В. Егоровой-Гантман и К.В. Плешакова⁷⁴, «образ цели», «стратегический образ», «образ-траектория» у Т. Коннолли и

⁷⁰ Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 12.

⁷¹ Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 108.

⁷² Kristof K.D. The Geopolitical Image of the Fatherland: The Case of Russia // The Western Political Quarterly. – 1967. – Vol.20, No.4. – P. 592.

⁷³ Цыкалов Д. Е. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX – начала XX века // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 118.

⁷⁴ Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Политическая реклама. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – С. 123.

Л.Бич⁷⁵. Наличие подобного компонента образа среди знаков дискурса – указание на тенденцию изменения идентичности и политического курса, и его включение представляется нам плодотворным для проведения анализа.

Таким образом, политическая психология дополнит наше исследование компонентами структуры образа государства, а также необходимостью ознакомиться с устойчивыми чертами образа, формировавшимися на протяжении истории.

Еще одним направлением, занимающимся анализом образа государства являются медиа-исследования. Исследователи, ориентирующиеся на изучение образов в СМИ, используют преимущественно рабочие определения образа, понимая под ним трансформированные СМИ представления о стране, создаваемые для влияния на аудиторию с целью изменения представлений о государстве.⁷⁶ Данные исследования разработали механизм для исследования аспектов материалов СМИ, такие как интенции создателей, средства, используемые для освещения тем, реакция публики на освещение определенных тем.⁷⁷ Метод фрейм-анализа предполагает, что журналисты формулируют новостной контент с определенной точки зрения и в соответствии с латентной структурой значений, влияя на формирование повестки дня и восприятие реальности аудиторией.⁷⁸ В нашем исследовании мы не будем рассматривать интенции формирования образов и реакции аудитории, однако медиа исследования поддерживают постструктуралистский принцип существования разных дискурсов, которые могут формировать разные образы. Также инструменты формирования фреймов, рассматриваемые медиа исследованиями (такие как метафоры, примеры, цепкие фразы, элементы описания) и «инструменты объяснения» (причины, последствия и апелляция к принципам,

---

⁷⁵ Федякин А.В. Содержание и структурные компоненты образа государства // Аспекты: Сб. статей по филос. Проблемам истории и современности. – М.: Современные тетради, 2006. – Вып IV. – С. 281.

⁷⁶ Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – №3 (19). – С. 38.

⁷⁷ Tarasheva E. The Image of a Country created by International Media: The Case of Bulgaria. – Cambridge Scholars Publishing. – 2014. – P. 7.

⁷⁸ Там же: p. 8.

морали)⁷⁹ послужат в качестве методических рекомендаций при анализе системы знаков дискурса.

Л. Петтерссон в исследовании образа США в немецких СМИ делит образ на четыре блока: общие характеристики США и ее президентов, образы связанные с ролью США в мире (включая темы ответственности, лидерства и стремления сотрудничать с другими), четко выраженная критика США, образы природы отношения между США и Германией.⁸⁰ Мы можем использовать эту структуру как основу для анализа образа России в западных СМИ.

Обобщая все вышеизложенное, мы сформулируем концепт образа государства, который будем использовать для проведения дискурс анализа. Образ государства мы будем рассматривать как набор характеристик в дискурсе СМИ, которые относятся к общим характеристикам России (пространственно-временная идентичность, историческое и культурное наследие, политическая система и политико-правовой режим, население, ценности и убеждения, базовое представление о ней в ходе конфликта) и ее лидера, ролью России в мире (включая статус и роли, которые она выполняет), отношениям между Россией и западными странами, военной стратегии и действиям в Сирии, образ будущего. Особое значение при этом будут иметь воспроизводство стереотипов, метафоры, примеры, ценностные суждения, артикуляция сходств и различий Запада и России, причинно-следственных связей, апелляция к принципам морали. Для выявления значения этих характеристик, и качественного понимания репрезентации России в западных СМИ, мы будем использовать теорию дискурса Лаклау и Муффа, которой посвящен следующий параграф.

---

⁷⁹ Tarasheva E. The Image of a Country created by International Media: The Case of Bulgaria. – Cambridge Scholars Publishing. – 2014. – p. 9.

⁸⁰ Pettersson L. Changing images of the USA in German media discourse during four American presidencies // International journal of cultural studies. – 2011. – Vol. 14(1). – P. 39-40.

1.2. ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И АНАЛИЗ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

Для анализа образа России в западных СМИ мы будем использовать теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Согласно ей, все социальные явления организованы по тому же принципу, что и язык.⁸¹ Она направлена на понимание социального как дискурсивной конструкции с помощью дискурс-анализа.

Теория дискурса основана на идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений. Ключевым понятием данной теории является борьба дискурсов, которые стремятся зафиксировать свое значение в языке, определяющие собственное понимание окружающего мира,⁸² в котором реальны лишь значения и представления о реальности.⁸³

М.В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс отмечают, что Лакло и Муфф не проработали инструментарий дискурс-анализа должным образом,⁸⁴ поэтому в исследовании мы воспользуемся инструментарием, модифицированным Йоргенсен и Филлипс на основе теории дискурса.

Они утверждают, что все значения в дискурсе условны, мы фиксируем их, располагая в определенных отношениях с другими знаками с помощью артикуляции. Артикуляционная практика устанавливает отношения между элементами (пустыми знаками), превращая их в моменты (знаки с фиксированным значением).⁸⁵ Установление значения происходит за счет исключения всех альтернативных вариантов в «область дискурсивного», где существуют все другие потенциальные значения знака.⁸⁶

Лакло и Муфф вводят термин «узловые точки» — наиболее важные знаки в дискурсе, вокруг которых упорядочиваются все остальные знаки и формируется дискурс. Значение узловой точки определяется через соотношение с другими знаками, поэтому их также называют «изменчивые знаки», поскольку

---

⁸¹ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. - 2е изд., испр. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр", 2008. – С. 71.

⁸² Там же: с. 26.

⁸³ Там же: с. 29.

⁸⁴ Там же: с. 53.

⁸⁵ Там же: с. 55-56.

⁸⁶ Там же: с. 57-58.

они полисемичны, открыты приписыванию любых значений, за что борются дискурсы. Узловые точки определяют значение ключевых точек, которые организуют идентичности.⁸⁷ В нашей работе такими ключевыми точками будут общие представления о России и ее лидере, роль России в мире, отношения между Россией и западными странами, военная стратегия и действия в Сирии, образ будущего. Знаки в дискурсе мы будем рассматривать, как организованные вокруг этих узлов, а узлы вокруг ключевых точек, значения которых определяется через взаиморасположение между ними.

Однако значения узловых точек не закрепляются раз и навсегда. Согласно теории Лаклау и Муффа дискурс является открытым для изменений.⁸⁸ Метод дискурс-анализа сосредоточен на исследовании конкретных речевых высказываниях, каким образом они устанавливают отношения между знаками в процессе артикуляции, какие дискурсы борются за фиксацию значений, каковы альтернативные значения, как структура в форме дискурса конституируется и изменяется.⁸⁹ Целью анализа также является понять, как именно мы строим «действительность», которая нам кажется естественной и объективной.⁹⁰ В нашей работе мы рассмотрим три дискурса западных СМИ, чтобы посмотреть, как они конституируют образ России, какие знаки и значения одинаковы в дискурсах, а за какие идет борьба между ними.

Хоть дискурс и является открытым для новых значений, возможности, которые мы имеем для изменения, определяются более ранними структурами, и наше мышление не может выйти за их пределы. В теории дискурса их называют «осадочными дискурсами».⁹¹ К «осадочному дискурсу» мы можем отнести исторические и культурные особенности данной страны, а также политику печатного издания, его идеологические предпочтения. Поэтому мы рассмотрим,

---

⁸⁷ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. - 2е изд., испр. – Харьков.: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. – С. 58-69.

⁸⁸ Там же: с. 60-61.

⁸⁹ Там же: с. 62-63

⁹⁰ Там же: с. 67-68.

⁹¹ Там же: с. 76.

как формировался образ России в Западном дискурсе ранее в истории, и какие его черты седиментировались. А также, исследуя образ России в либеральном, консервативном и националистическом дискурсах, мы будем учитывать особенности этих идеологий.

В терминологии Лакло и Муфф страна является «мифом» — изменчивым знаком, который относится к определенному множеству и существует в нашем представлении. «Миф, с одной стороны, — это искаженное представление реальности, но, с другой, это искажение является неизбежным и конституирующим, потому что устанавливает необходимые горизонты наших действий. Таким образом, такой миф как страна, делает возможным проведение определённой политики и обеспечивает политических деятелей тем объектом, относительно которого они могут дискутировать⁹², что соотносится с термином «образ государства» в нашей работе.

Целью дискурс-анализа и будет изучение «мифа», содержание которого формируют узловые точки, которые получают свое значение через взаимное расположение остальных знаков дискурса.

Единицей анализа в нашей работе будет знак — слово, словосочетание или фраза, относящаяся к структурным элементам образа России. Для проведения дискурс-анализа на эмпирическом материале нам необходимо будет выявить основные знаки: узловые точки (организующие дискурс), ключевые знаки (организующие идентичность) и мифы (организующие социальное пространство, в нашем случае, одним из них будет Россия). Для исследования организации дискурсов, идентичностей и социального пространства необходимо будет изучить комбинирование знаков через рассмотрение цепочек эквивалентности. Так мы установим значение изменчивых знаков.⁹³ С их помощью мы установим содержание ключевых знаков, которые будут соответствовать компонентам образа государства, выделенным нами в

---

⁹² Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. - 2е изд., испр. – Харьков: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. – С.78.

⁹³ Там же: с. 95.

предыдущем параграфе. На основе выявленных цепочек значений мы сформируем образ России, который конструируют дискурсы западных СМИ.

Применяя метод дискурс-анализа, надо принять во внимание «объективность», или «осадочный дискурс» (устойчивые ограничения дискурса), чтобы объяснить «политическое» (область дискурса, в которой ведется борьба за фиксирование значений).⁹⁴ «Объективность» является седиментированными значениями знаков, которые устойчиво закрепились в дискурсе, и имеют влияние на содержание современных знаков. Поэтому, в следующем параграфе мы проследим формирование образа России на Западе, чтобы выделить устоявшиеся черты образа государства.

1.3. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО «ДРУГОГО»

В данном параграфе мы рассмотрим основные стереотипы и тенденции формирования образа России в западноевропейском и американском дискурсах. Это необходимо, чтобы выявить знаки осадочного дискурса, связь с которыми будет наполнять содержанием современный образ России. Под стереотипами и паттернами я буду рассматривать знаки, характеризующие Россию как значимого «Другого», укрепившиеся в западном дискурсе. Мы рассмотрим общие представления о России, о роли России на мировой арене и отношения с западными странами, которые являются элементами структуры образа государства. Образы военной стратегии и будущего государства частично войдут в вышеперечисленные элементы, поэтому мы не будем останавливаться на них отдельно.

Россия была значимым «Другим» для западных стран на протяжении всей истории их взаимоотношений. В большей степени для Европы (с позднего

---

⁹⁴ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. - 2е изд., испр. – Харьков: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. – С. 102-103.

Средневековья)⁹⁵, чем для США, как отмечает Т. Хопф⁹⁶, однако, с конца XIX в. и для конструирования американской идентичности.⁹⁷ «Обширная территория, природные ресурсы и демографический потенциал, удалённость и отличный образ жизни России вызывали у европейцев интерес и отчуждение, генерируя страхи и внушая уважение,» - утверждает В. Барановски.⁹⁸ Образ России на Западе радикально менялся, как отмечает М. Малиа, выделяя четыре архетипа представлений о России: «просвещенная монархия»; воинственная азиатская страна; модернизирующаяся по стопам Европы; иррациональная и высокодуховная.⁹⁹ Соответственно, на восприятие России на Западе в разные периоды влияла ее политико-культурная близость и отношения с Европой и Азией.

Эта закономерность сформировалась на ранних этапах отношений России и Европы. Хронологически первым маркером, разграничивающим идентичности России и Европы, стало христианство. Уже с ним связана амбивалентность идентичности России в восприятии Запада: с одной стороны, включение России в европейскую идентичность на основе одной религии, с другой – отделение в силу отличий ритуалов, незнания Священного писания, связанного с неграмотностью, и контактов с нехристианскими соседями – татарами, калмыками, из-за которых представления о России смешивались с чертами азиатских политических образований, наделялись варварскими элементами.¹⁰⁰ Предпринятые в защиту христианства от варваров крестовые походы на Псков и

⁹⁵ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисовие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – 336 с.

⁹⁶ Hopf T. Identity, Legitimacy, and the Use of Military Force: Russia's Great Power Identities and a Military Intervention in Abkhazia // *Review of International Studies*. – 2005. – Dec. – P. 227.

⁹⁷ Окунь А. Б. Американцы «открывают» Россию, или роль русского «другого» в формировании американской идентичности (Рецензия на монографию: Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.) // *Вестник РГГУ*. – М., 2014. – № 18 (140). – С. 238.

⁹⁸ Baranovsky V. A Part of Europe or Apart from Europe? // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. – 2000. – Vol.76, No.3, Europe: Where Does It Begin and End? – P. 445.

⁹⁹ Starr F. The Great Other // *The Wilson Quarterly*. Vol.23, No.2. Spring, 1999. P. 123-124

¹⁰⁰ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисовие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 102-103.

Новгород в XIII в.¹⁰¹ демонстрируют, что Россия воспринималась, как «Другой», образ которого легитимирует действия европейских государств.

Отличное от европейского исповедание христианства входит в представление о нецивилизованности России, наряду с отсталостью в социально-экономическом и политическом отношениях.

Образ России в социальном и экономическом отношении начинает формироваться с описаний путешественниками грубых и жестоких практик населения, которые в XVIII веке трансформируются в символ «русского медведя», который используется в западном дискурсе до сих пор.¹⁰² Одной из сторон этой метафоры являются невежество, дикость и «темнота» русского народа.¹⁰³ С ними сосуществовало представление о неспособности России к самостоятельному развитию.

В XVI в. путешественники писали, что Россия обладает развитыми военными технологиями, несмотря на общую отсталость. В Западной Европе считалось, что Россия их закупала, потому что такая «варварская, азиатская страна» была не способна самостоятельно произвести оружие даже с помощью европейских мастеров при дворе.¹⁰⁴ Реформы Петра I оценивались положительно, но им приписывался несовершенный и преемственный характер.¹⁰⁵ В то же время, в британских журналах XIX века отмечалось, что она завидует британской коммерции,¹⁰⁶ что говорит о восприятии России как неспособной достигнуть подобных результатов. В XIX в. европейском дискурсе использовались оппозиции «Свет-Тьма», «Цивилизация-Варварство», «Свобода-

¹⁰¹ Paul M.C. Western Negative Perceptions Of Russia: "The Cold War Mentality" Over Five Hundred Years // *International Social Science Review*. – 2001. – Vol. 76, No. 3/4. – P. 105.

¹⁰² «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 5

¹⁰³ Успенский В. Типология изображений «русских медведей» в европейской карикатуре XVIII / «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 103-104

¹⁰⁴ Paul M.C. Western Negative Perceptions Of Russia: "The Cold War Mentality" Over Five Hundred Years // *International Social Science Review*. – 2001. – Vol. 76, No. 3/4. – P. 106.

¹⁰⁵ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисловие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 111-122.

¹⁰⁶ MacFie A.L. Opinions of the European Press on the Eastern Question, 1836 // *Middle Eastern Studies*. – 1991. – Vol.27, No.1. – P. 136.

Рабство», «Прогресс-Регресс», указывавшие на превосходство Запада в развитии.¹⁰⁷ Соответствующая западному вектору развития, индустриализация в 1920х-1930х привела к волне признания СССР. Однако дальнейшие успехи СССР в различных сферах рассматривались как угроза безопасности и развитию демократического мира.¹⁰⁸ СССР воспринималась на Западе как неустойчивая ядерная сверхдержава, поскольку ее статус не поддерживается лидерством в других областях, в отличие от США.¹⁰⁹ Для современной России характерно представление о анахроничности и коррумпированности экономической системы, уступающую европейской.¹¹⁰

Эти представления сложились в стереотипы об отсталости России по сравнению с Западом, ее неспособности к самостоятельному развитию, и его неустойчивости.

В образе политической системы России доминировали представления о деспотизме и единовластии. Жестокость, непристойность поведения царей, отмеченные путешественниками и современниками (например, правление Ивана Грозного), переносились на представления о политической системе.¹¹¹ С XVIII в. об этом свидетельствует использование метафоры «русского медведя», включившей в себя сформировавшиеся стереотипы, в качестве символа государства и субститута ее правителя.¹¹² С одной стороны, он использовался со значением царя зверей, «сверхчеловека», подчеркивая сильную монархическую

---

¹⁰⁷ Журавлева В.И. Свет американской свободы и «империя тьмы»: образ России в контексте «новой мессианской идеи» в США [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. – 2008. – №1 (17). – URL: http://www.nivestnik.ru/2008_1/15.shtml. – Дата обращения: 07.04.17.

¹⁰⁸ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы) // Полис. Политические исследования. – 2006. – №6. – С. 111-112.

¹⁰⁹ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисовие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 144-146.

¹¹⁰ Baranovsky V. A Part of Europe or Apart from Europe? // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). – 2000. – Vol.76, No.3, Europe: Where Does It Begin and End? – P. 445.

¹¹¹ Там же: с. 105-106

¹¹² Хрусталева Д. Происхождение русского медведя [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. № 107. 2010. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/17/russianbear/>

власть, с другой стороны, произвол властей и порабощенность населения.¹¹³ В Европе складывается представление о том, что ценность человеческой жизни в России намного ниже.¹¹⁴ Лазари утверждает, что для Европы, основным идеалом которой являются правовое государство, права человека и индивидуализм, Россия, отодвигающая защиту прав личности в пользу права народа-коллектива, кажется нерациональной, непредсказуемой и даже невменяемой страной.¹¹⁵

С другой стороны, И. Нойманн отмечает, что в периоды прозападной ориентации России, выразившейся в перенятых институтах и нормах, устойчивых взаимоотношениях с европейскими странами, образ России приобретал более позитивные коннотации. Эта тенденция проявилась в правление Петра I и Екатерины II и участии России в волне либеральных реформ и модернизации Европы в 1850-е. Однако даже в эти периоды образ России в западном дискурсе не становился полностью цивилизованным. Практика фаворитизма в России XVIII в. ассоциировалась с восточными традициями, исключавшими Россию из идентичности Запада.¹¹⁶ Отмечалось, что реформы XIX в. были несовершенными и носили преемственный характер.¹¹⁷ Появилась идея России как ученика Европы,¹¹⁸ согласно которой степень цивилизованности России в европейском дискурсе зависела от подражания Западу. И. Нойманн считает, что Россия воспринималась как постоянно находящаяся в состоянии перехода от варварства к следующей стадии европеизации, и называет это метафорой переходного периода.¹¹⁹

---

¹¹³ Жаковска М. Изображение России-медведя в немецкой карикатуре 1914—1945 годов // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. М.: Новое литературное обозрение, 2012. с. 169–170

¹¹⁴ Baranovsky V. A Part of Europe or Apart from Europe? // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs). – 2000. – Vol.76, No.3, Europe: Where Does It Begin and End? – P. 445.

¹¹⁵ Де Лазари А. Почему Европа боится «русского медведя»? // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 276-277

¹¹⁶ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисовие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 117.

¹¹⁷ Starr F. The Great Other // *The Wilson Quarterly*. Vol.23, No.2. Spring, 1999. P. 123

¹¹⁸ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисовие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 116.

¹¹⁹ Там же: С. 153-154.

В Америке XIX в. складывается представление о деспотическом характере России, где ограничены права религиозных и национальных меньшинств, косном и отсталом. С другой стороны, русскому народу приписывались позитивные качества – религиозность, терпимость, патриотизм, духовность, желание реформ по западному образцу. Представления о ретроградном, ксенофобском правительстве препятствующему прогрессу легли в основу идеи, что американцы должны помочь народу России в борьбе за либерализацию, или «новой мессианской идеи».¹²⁰ Вместе с идеей ученика Европы, эти представления демонстрируют устойчивое представление о необходимости направления поведения России, чтобы привести ее нормы и институты в соответствие с либеральными ценностями.

«Мессианская идея», сложившаяся в Америке, нашла воплощение в 1880-х в «крестовом походе» за Свободную Россию. В это время появляются лекции, выступления общественных деятелей и публикации о карательной политике самодержавия, вестернизация образа русских революционеров, критика антисемитизма в ответ на еврейские погромы и массовую эмиграцию евреев в США. Американская иммиграционная комиссия заявляла об одной из самых «варварских» практик против инаковерующих, «карнавале гонений, грабежа, и террора», империей деспотизма и произвола. Таким образом, русский народ превращался в объект глобальной миссии США.¹²¹

В XX веке, тенденции отсталости и авторитарности России, сложившиеся ранее усиливаются с появлением СССР, достигая пика во время холодной войны. В западном дискурсе фигурируют оппозиции «оборонительный-наступательный», «рыночный-планируемый»¹²², «рай-ад», «будущее-

¹²⁰ Окунь А. Б. Американцы «открывают» Россию, или роль русского «другого» в формировании американской идентичности (Рецензия на монографию: Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.) // Вестник РГГУ. – М., 2014. – № 18 (140). – С. 238-239.

¹²¹ Журавлева В.И. Свет американской свободы и «империя тьмы»: образ России в контексте «новой мессианской идеи» в США [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. – 2008. – №1 (17). – URL: http://www.nivestnik.ru/2008_1/15.shtml. – Дата обращения: 07.04.17.

¹²² Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисловие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 145.

прошлое»,¹²³ характеризующие западные страны и Россию. Арон назвал политико-экономическую систему СССР «пред-модерной», что соответствовало представлению о ее положении между первым и третьим миром. Кроме того, СССР воспринималась на Западе неустойчивая ядерная сверхдержава, поскольку ее статус не поддерживается лидерством в других областях, в отличие от США.¹²⁴ Эпоха коммунизма в России рассматривалась как «огромный тупик нашего века», «дыра в русской и мировой истории». Сталинизм приравнялся к нацизму, а Россия характеризовалась как «тоталитарная и авторитарная».¹²⁵ Преследование диссидентов и политика в отношении еврейской иммиграции также негативно сказались на образе России.¹²⁶

Постсоветская Россия с прозападной ориентацией была включена в «сообщество цивилизованных стран», однако это продлилось недолго.¹²⁷ Последовавшая после холодной войны либерализация России соответствовала идеям «ученика Европы» и «мессианской идеи» США, но к середине 1990-х длительные ожидания «позитивных» реформ не оправдались, политическая эволюция страны казалась не предсказуемой.¹²⁸

В дискурсе 2000-х актуализируются паттерны жестокости и нецивилизованности России, показывающие, что ей еще далеко до того, чтобы считаться «нормальной» державой (в западном понимании). Сравнение чеченских войн с геноцидом и массовыми убийствами польских офицеров в Катыни, Путина с «политическим бандитом», указывают на воспроизведение тенденций, идущих со времен Московского государства.¹²⁹ Семенов, Лапкин и

¹²³ Adamovsky E. Russia as the Land of Communism in the Nineteenth Century? Images of Tsarist Russia as a Communist Society in France, c. 1840-1880. // Cahiers du Monde Russe. – 2004. – Vol.45, No.3/4. – P. 499.

¹²⁴ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисловие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 144-146.

¹²⁵ Starr F. The Great Other // The Wilson Quarterly. Vol.23, No.2. Spring, 1999. P. 125.

¹²⁶ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы) // Полис. Политические исследования. – 2006. – №6. – С. 112.

¹²⁷ Baranovsky V. A Part of Europe or Apart from Europe? // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). – 2000. – Vol.76, No.3, Europe: Where Does It Begin and End? – P. 446-448.

¹²⁸ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы) // Полис. Политические исследования. – 2006. – №6. – С. 113.

¹²⁹ Paul M.C. Western Negative Perceptions Of Russia: "The Cold War Mentality" Over Five Hundred Years // International Social Science Review. – 2001. – Vol. 76, No. 3/4. – P. 103-112.

Пантин указывают на «кумулятивный эффект» в западной прессе: перенесение негативных стереотипов восприятия России времен холодной войны и негативное освещение событий последних лет с акцентом на Чечне, коррупции, неэффективности демократических институтов, преступности.¹³⁰ В свою очередь, Цыганков утверждает, что на современном этапе западный дискурс воспроизводит образ автократии времен СССР, связанной с неограниченным контролем над частной и публичной жизнью, чем он отличается от царизма.¹³¹

Исследование дискурса американских СМИ 2008-2014 гг. А. Цыганкова демонстрирует доминирование образа авторитарной России. Этот нарратив использует параллели с Советским Союзом, его репрессивной внутренней политикой «в стиле КГБ», сталинским режимом¹³². С приходом к власти прозападного президента Медведева, образ России ненадолго стал менее негативным, однако, когда Путин заявил об участии в новых президентских выборах, репрезентация России значительно ухудшилась¹³³. Путин изображается как «архитектор авторитарной системы», «параноик», «гиперагрессивный», но с другой стороны «слабый и не защищенный», что дает возможность для изменения режима. Отсутствие разделения между восприятием политической системы России и Путина, на котором лежит ответственность за ее деспотизм также воспроизводит более ранние тенденции образа политического режима России.¹³⁴

Таким образом, общими стереотипами о России и ее лидере стали авторитаризм, деспотизм, отождествление режима с лидером страны и его слабость. В периоды улучшения отношений с Западом и принятия ее институтов и норм, образ России становился более позитивным, однако не избавлялся от негативных коннотаций полностью.

---

¹³⁰ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы) // Полис. Политические исследования. – 2006. – №6. – С. 113.

¹³¹ Tsygankov A.P. The dark double: the American media perception of Russia as a neo-Soviet autocracy, 2008–2014 // *Politics*. – 2017. – Vol. 37(1). – P. 29.

¹³² Там же: р. 19-21.

¹³³ Там же: р. 21-22.

¹³⁴ Там же: р. 29-30.

Представления о роли России на международной арене изначально связаны с представлениями об отношениях России и Запада, поэтому мы рассмотрим формирование обоих стереотипов вместе.

Другой стороной варварского образа России стали агрессивность, воинственность, изворотливость, мощь, отраженные в образе медведя.¹³⁵ Со времен Ливонской войны Россия ассоциировалась с экспансией и угрозой для европейских территорий, возникла параллель с приходом готов в Римскую империю.¹³⁶ После получения выхода в Балтийское море Россия стала частью европейского баланса сил. Это событие имело два последствия: рост потенциала военной угрозы Европе и потенциала союзника в борьбе против Турции, соответственно амбивалентность идентичности России сохранялась.¹³⁷ Это проявилось в идеях «варвара у ворот» в XVII¹³⁸ и XIX¹³⁹ веках, и идеей России как бастиона Европы в XVIII в., который должен выполнять цивилизующую роль по отношению к мусульманам и защищать Европу от Азии.¹⁴⁰

С ростом влияния России в международных отношениях в европейских газетах учащается изображение закованного и затравленного медведя, что показывает желание европейских стран ограничить влияние и угрозу экспансионизма, исходящие от России, подчинить ее действия своему политическому курсу.¹⁴¹ Также медведь встречается в паре с другим животным или единственным животным среди других стран, что подчеркивает варварство в репрезентации России. Свирепость отражена в образах медведя-военного и казака.¹⁴² Лейтмотив образа российской внешней политики прослеживается в

¹³⁵ Россомахин А., Хрусталеv Д. Русские медведи из журнала «Фан» // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 129-139

¹³⁶ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисовие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 110.

¹³⁷ Россомахин А., Хрусталеv Д. Русские медведи из журнала «Фан» // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 115.

¹³⁸ Там же: с. 123.

¹³⁹ Там же: с. 131.

¹⁴⁰ Там же: с. 120.

¹⁴¹ Успенский В. Типология изображений «русских медведей» в европейской карикатуре XVIII — первой трети XIX века // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 94

¹⁴² Там же: с. 98

изображениях клетки, плетей, розог, «тюрьмы народов», «медвежьих объятьях», Самсона,¹⁴³ соблазнения Марианы¹⁴⁴ – жестокость, стремление «вести игру» и изворотливость. Будучи частью системы баланса сил, Россия была частью Европы, однако опасения установления ее гегемонии в регионе после падения наполеоновской Франции, вынудило европейцев включить Америку в систему безопасности, чтобы удерживать Россию вне Европы и не придавать ей европейскости.¹⁴⁵

Если в XVIII веке Россия, перенимающая европейские институты и ценности рассматривалась как самая восточная часть Европы, то с ростом ее влияния на международной арене она стала восприниматься как самая западная часть Азии в XIX в. Так образ «просвещенной» России склонился к образу «Великого Другого», зловеще расширяющегося в Европу и знаменуя генезис русофобии во Франции и Великобритании, просуществовавший весь XIX.¹⁴⁶

В XX в. стремление СССР распространить советскую модель было воспринято как «проявление российской ментальности» быть и добиться отношения к себе как к великой державе.¹⁴⁷ Кроме того, война с Финляндией в 1940-х воспринималась, как захватническая против «аванпоста республиканской демократии».¹⁴⁸ Так, более ранние паттерны продолжали воспроизводиться в образе России.

После Второй мировой войны Центральная Европа начала рассматриваться как «захваченный Запад», европейская цивилизация как оказавшаяся в осаде,

¹⁴³ Жаковска М. Изображение России-медведя в немецкой карикатуре 1914 – 1945 годов // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 171-172

¹⁴⁴ Цыкалов Д. Е. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX – начала XX века // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 107-125

¹⁴⁵ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисловие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 130-132.

¹⁴⁶ Starr F. The Great Other // The Wilson Quarterly. Vol.23, No.2. Spring, 1999. P. 124-125.

¹⁴⁷ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы) // Полис. Политические исследования. – 2006. – №6. – С. 111.

¹⁴⁸ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисловие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С.140-141.

осажденная варварами. После советского вторжения в Венгрию в Европе полностью утвердился негативный образ России. Он нивелировал альтернативную репрезентацию России как освободителя Европы от нацизма и модель, на которую должна ориентироваться Европа, существовавшую в европейском дискурсе коммунистического движения и социалистических авторов.¹⁴⁹ Утвердилось доминирование образа варварской, азиатской державы, которая воспользовалась возможностью, предоставленной Второй мировой, для военного вторжения в Европу.¹⁵⁰ Соответственно, мы видим, что Россия продолжает восприниматься как угроза «свободному миру».¹⁵¹ В ответ на ввод войск в Афганистан США развернули широкую антисоветскую кампанию,¹⁵² что показывает негативное восприятие целей и средств России в мировой политике.

На современном этапе, как утверждает Барановски, логика холодной войны «держать русских подальше» «трансформировалась в двойную задачу: как допускать Россию к участию в политическом процессе, не давая ей действительно участвовать».¹⁵³ Таким образом, несмотря на более цивилизованное представление о России, она продолжала восприниматься как потенциальная угроза, которая может противодействовать политике Запада. Об этом нам свидетельствует создание Совета североатлантического сотрудничества, программа «Партнерство ради мира», Постоянного объединенного совета, Совета Россия-НАТО, которые формально делали Россию партнером НАТО, но не давали России фактического влияния, позволяя НАТО реализовывать свои интересы без сопротивления России.¹⁵⁴

¹⁴⁹ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисловие А.И. Миллера. М.: Новое издательство. – 2004. – С. 146-147.

¹⁵⁰ Там же: с. 143-149.

¹⁵¹ Tsygankov A.P. The dark double: the American media perception of Russia as a neo-Soviet autocracy, 2008–2014 // *Politics*. – 2017. – Vol. 37(1). – P. 20.

¹⁵² Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы) // *Полис. Политические исследования*. – 2006. – №6. – С. 112.

¹⁵³ Baranovsky V. A Part of Europe or Apart from Europe? // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. – 2000. – Vol.76, No.3, Europe: Where Does It Begin and End? – P. 446-448.

¹⁵⁴ Lundestad I. Turning Foe to Friend? US Objectives in Including Russia in Post-Cold War Euro-Atlantic Security Cooperation // *The International History Review*. – 2016. – Vol. 38, No. 4. – P. 694-718.

Основной тенденцией в западном дискурсе 2000-х является представление о конкуренции между Россией и Западом за политическое и экономическое влияние, характеризуемое как «игра с нулевой суммой», «стремление восстановить империю».¹⁵⁵ Кроме того, в западном дискурсе фигурирует идея Запада как «козла отпущения» в российской пропаганде, используемая с целью оправдать подавление внутренней оппозиции, которая получила еще большее развитие с началом украинского кризиса¹⁵⁶. Войны в Грузии и Украине, аннексия Крыма были восприняты как проявления экспансионизма и намерения вернуть влияние на мировой арене.¹⁵⁷ С возвращением Путина к власти в 2012 г., репрезентация отношений Запада и России достигла уровня, который некоторые школы назвали новой холодной войной,¹⁵⁸ что указывает на преемственность ранних черт образа России. А. Россомахин делает вывод, что «для внешнего наблюдателя Россия остается покровителем маргинальных режимов и авторитарным милитаристским государством».¹⁵⁹

Обобщая вышеизложенное, представлениями о России в международных отношениях и отношениях с странами Запада являются воинственность, экспансионизм, стремление быть влиятельной на международной арене и конкуренция с Западом.

Мы можем наблюдать проявление этих стереотипов в событиях в Сирии. Т. Тюдору, рассматривая роль России и Запада в событиях 2011-2012 года, делает вывод, что они воспроизводят паттерн отношений холодной войны.¹⁶⁰ Опираясь на Бузана и Вебера, Тюдору утверждает, что отношения «друг-враг» влияют на

¹⁵⁵ Stent A. Putin's Power Play in Syria. How to Respond to Russia's Intervention // Foreign Affairs. – 2016. – January/February. – P. 108.

¹⁵⁶ Tsygankov A.P. The dark double: the American media perception of Russia as a neo-Soviet autocracy, 2008–2014 // Politics. – 2017. – Vol. 37(1). – P. 30-31.

¹⁵⁷ Stent A. Putin's Power Play in Syria. How to Respond to Russia's Intervention // Foreign Affairs. – 2016. – January/February. – P. 108.

¹⁵⁸ Tsygankov A.P. The dark double: the American media perception of Russia as a neo-Soviet autocracy, 2008–2014 // Politics. – 2017. – Vol. 37(1). – P. 24.

¹⁵⁹ Россомахин А., Хрусталева Д. Русские медведи из журнала «Фан» // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — с. 138–139

¹⁶⁰ Tudoroiu T. The Arab Spring: last episode of the Cold War // Contemporary Politics. – 2013. – Vol. 19, No. 3. – P. 304-319.

паттерны конфликта не меньше, чем соотношение сил.¹⁶¹ Исходя из его исследования, мы можем утверждать, что современный образ России на Западе связан с возобновлением поддержки режима Асада, которая «восстановила его международный статус и возможности для внутренних репрессий».¹⁶² Во-первых, Тюдору указывает на то, что поддержка Асада была воспринята, как стремление России вернуть свой статус великой державы, поскольку актуализировался паттерн холодной войны, в которой Сирия была главным союзником СССР на Ближнем Востоке. Во-вторых, поддержка авторитарного режима Асада, ассоциирующегося с массовыми убийствами, усиливают представление о России как о жестоком милитаристском государстве, противопоставленном Западу как «лидеру свободного мира» и защитнику либеральных ценностей. После ошибки Медведева, допустившего западную интервенцию в Ливию, Россия блокировала все санкции против Асада, что также говорит в пользу образа конфронтации Запада и России, усиливая негативные коннотации последней.¹⁶³

Таким образом, мы рассмотрели формирование устойчивых представлений о России и их роль в современных представлениях о ней. В образе России на Западе ключевыми стереотипами стали отсталость, неспособность к самостоятельному развитию и слабость, деспотизм, авторитаризм, экспансионизм и стремление к влиянию в международных делах, соперничество с Западом. Они являются знаками осадочного дискурса, знание которых необходимо для проведения дискурс-анализа современных источников, к которому мы перейдем в следующей главе.

---

¹⁶¹ Tudoroiu T. The Arab Spring: last episode of the Cold War // Contemporary Politics. – 2013. – Vol. 19, No. 3. – P. 306.

¹⁶² Там же: P. 306.

¹⁶³ Там же: P. 309-311.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ РОССИИ В ЗАПАДНЫХ СМИ В КОНТЕКСТЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

Данная глава будет посвящена анализу образа России в СМИ США, Великобритании и Франции, освещавших ключевые события конфликта в Сирии в 2015-2016 гг. С помощью дискурс-анализа мы изучим содержание, которым наполняются структурные элементы образа России в либеральном, консервативном и националистическом дискурсах.

Ключевыми знаками, вокруг которых организуются знаковые системы, в нашем анализе являются элементы образа государства: общие характеристики России и ее лидера, отношения России с странами Запада, роль России в международных отношениях, военная стратегия и образ-будущее государства. Мы исследуем, как менялась динамика этих элементов образа в ходе выбранных для анализа событий.

Все издания рассказывают о погибших в результате действий сирийской армии, от российских авиаударов и действий «Исламского государства» и других исламистских групп, поэтому эти знаки априори признаются негативными, и не включены в анализируемые знаковые системы.

2.1. ОБРАЗ РОССИИ В ЛИБЕРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Для изучения образа России в либеральном дискурсе мы используем статьи The New York Times, The Guardian и Le Monde, освещающие выделенные для анализа события.¹⁶⁴

В развитии общих представлений о России и ее лидере нами было выделено несколько тенденций. Первая из них – это ассоциация России с режимом Асада и «полное принятие его точки зрения», которая относится к элементу общего образа в таких событиях, как начало операции ВКС РФ в Сирии, выход доклада о применении Асадом химического оружия, и в эпизодах начала сентябрьского перемирия и взятия Алеппо, где Россия также связывается с

---

¹⁶⁴ Приложение А. – С. 62.

Ираном и Хезболлой. Асад, Иран и Хезболла связаны с Востоком, жестокостью, несоответствием либеральным ценностям. Ориентация на них отдаляет образ России от Запада, актуализируя паттерн «нецивилизованности».

Эта черта наиболее ярко выражена в эпизодах нападения на конвой ООН и применения химического оружия Асадом. Согласно исследованию, Р. Прайса,¹⁶⁵ запрет на использование химического оружия является не просто нормой международного права, но табу, нарушение которого связано со стигмой «нецивилизованности», настолько сильной, что даже нацистская Германия не использовала химическое оружие. В атаке на гуманитарный конвой общий образ России ассоциируется с «вопиющим нарушением международного права», а также прощальной речью Пан Ги Муна, в которой он назвал атаку «отвратительной», «дикой» и «очевидно преднамеренной», и крайним возмущением ООН «возможным военным преступлением».

Авторитарность, непредсказуемость и волюнтаризм в представлениях о России связаны с вводом и принятием «быстрого и неожиданного» решения Путиным о выводе основного контингента из Сирии, знаке Россия «втокнула себя в конфликт» в эпизоде соглашения о перемирии между Россией и США в феврале 2016. Упоминаний Путина практически не встречается в событиях, связанных с перемириями. Мы можем предположить, что образ Путина связывается с военными аспектами конфликта и геополитическими амбициями России, в то время как дипломатические аспекты в большей степени связываются с «Россией», «Москвой» и «Лавровым».

Геополитические амбиции России встречаются в эпизодах начала операции ВКС РФ и соглашения с Турцией. В первом случае через знаки «желание Путина восстановить влияние России в качестве глобальной державы и попытаться покончить с изоляцией со стороны Запада из-за Украины», во втором –

---

¹⁶⁵ Price R. A Genealogy of the Chemical Weapons Taboo // International Organization. – 1999. – Vol, 53. No. 03. – P. 433–468.

«оправившейся после поражения в холодной войне» и «развала Советской империи», «в случае Сирии восстановила самоуважение».

Отсылки к Украине и СССР также формируют образ милитаризма, двуличности и расчетливости политики России, которые также встречаются в эпизоде вывода основного контингента. Россия «создала жестокую репутацию» благодаря выбору «друзей», «пониманию динамики региона лучше Америки» и «зная, как использовать военную силу в дипломатических альянсах» - знаки, формирующие образ России в последнем анализируемом эпизоде, где «Путин заканчивает 2016, если не неоспоримым победителем, то, как минимум человеком в центре принятия решений».

В образе отношений России и Запада лейтмотивом является конфронтация, которая прослеживается во всех эпизодах с разной степенью интенсивности, в связи с контрастом интересов, целей и способов разрешения кризиса. Даже в эпизодах перемирия при посредничестве России и США делаются ссылки на прошлые провалы, хрупкость соглашения, «осторожные слова», скептицизм, «неопределенность».

Чаще всего сложность сотрудничества связана с представлением о препятствовании ему со стороны России: «отсутствием попыток со стороны России координировать авиаудары», препятствие изменению режима Асада Западу, обвинениях России в «намеренном разжигании» кризиса беженцев в попытке переполнить ими Европу», недооценке требования прекращения насилия, «Москва эскалировала тон», обвинив США в поддержке террористов (когда США убили сирийских военных «по ошибке»), «блокированные попытки США, Великобритании и Франции» наложить санкции на Асада, защита Путиным интересов Ирана в договоре и увеличение влияния Тегерана «затруднительно для администрации Обамы». При этом необходимость коммуникации и сотрудничества подчеркивается в эпизодах соглашения о перемирии в сентябре 2016, ввода и вывода контингента и договора с Турцией.

Также Россия ассоциируется с угрозой через отсылки к холодной войне, рискам инцидентов (первые два события), противостоянием «цивилизованному» миру (при атаке на конвой и применении Асадом химического оружия). В этих событиях Россия характеризуется сравнительно меньшим влиянием. В эпизодах наибольшего влияния России напоминается о трусливом поражении Асада в прошлом (возвращение Пальмиры), отмечается неизвестность последствий доминирования России (сентябрьское перемирие), напоминание о нападении на гуманитарный конвой (взятие Алеппо), предположение о улучшении отношений с Россией с началом президентства Д. Трампа (договор России и Турции).

В репрезентации роли России в конфликте также есть несколько тенденций. Первая – исключительно негативная роль, характеризуемая усложнением конфликта (начало операции в Сирии), ответственность за действия Асада перед США в препятствовании регулированию конфликта (атака на конвой ООН) и невыполнение обязательств перед международным сообществом (применение Асадом химического оружия). В этих событиях образ России наименее влиятельный. В остальных событиях отмечается усиление влияния России в Сирии и возвращение ключевых позиций («Путин стал самым влиятельным игроком», «Россия вернулась на сцену как глобальная держава» и др.).

Значимость России репрезентуется через создание условий для мирных переговоров, принципиальное значение возвращения Пальмиры, «освобождение от терроризма», «возвращение стабильности и безопасности» в Алеппо, знаках «портретов Асада, российских флагов и парадов из машин», «поворотного пункта в конфликте». Также влиятельность демонстрируется через соотношение с другими акторами: Турция и союзники Асада приветствовали сентябрьское перемирие, соглашение с Турцией об эвакуации, встреча в Москве с Ираном и Турцией с «подчеркнутым исключением представителей США, ООН и сирийского правительства», «Москва, не Вашингтон, задает тон на Ближнем Востоке». В динамике они демонстрируют, что первенство в разрешении кризиса

постепенно переходит к «восточным» странам, России в большей степени. Отношения с Асадом – еще одна составляющая значимости России («Путин, не Асад, будет принимать решение об эндшпиле в Сирии», «обеспечение Асаду международного признания», «интервенция сильно изменила военный баланс в пользу Асада»), которая демонстрируется как ресурс влияния России в конфликте.

Негативными знаками, характеризующими роль России, являются «способствование объединению противников Асада под лидерством ИГ», «опасение пролонгации режима» и «заморозки переговоров», напоминание о трусости сирийской армии и радикализации умеренных повстанцев при потере Алеппо, снижающие значение возвращения, недоверие ООН, сохранение части контингента, несмотря на обещание Путина вывести войска. Соответственно, используются паттерны дестабилизации ситуации вследствие нерациональности и воинственности.

Главными составляющими образа военной стратегии являются стремление стабилизировать, укрепить и защитить режим Асада (во всех событиях) и вмешательство в конфликт под предлогом борьбы с ИГ, но осуществление атак на оппозицию (начало операции, возвращение Пальмиры, сентябрьские соглашения, Алеппо), что указывает на расчетливость и изворотливость политики России. С ней же связан паттерн геополитических амбиций: «стремиться усилить контроль над Тартусом, бывшей базой СССР» (первое событие), «отсутствие сроков вывода войск», «готовность быстро развернуть войска снова», «установка наблюдательного пункта» (после заявленного вывода контингента).

Жестокость и милитаризм проявляются через указание на то, что в кампании не различаются террористы и повстанцы («атаки без разбора»), масштабы поддержки сирийской армии в Пальмире, защита «варварских действий» своего «ближайшего союзника», жестокость кампании и негуманные условия эвакуации из Алеппо.

В последних двух событиях, где у России наибольшее влияние, повстанцы сначала называются «террористами с иностранной поддержкой», а потом «потеряли поддержку» США. Таким образом Запад дистанцируется от них вместе с успешным ходом кампании России. Ее образ поддерживают знаки отсутствия серьезности западной коалиции (Пальмира), предоставление свободного выбора места эвакуации (Алеппо), согласие Турции на «делку с Путиным» и отказ от требования отставки Асада, будучи его главным противником и др. Слабость кампании России наиболее артикулирована в последнем событии как усилия России, основанные «только на позитивном мышлении и моменте».

Образ-будущее России в ходе событий имеет несколько проявлений. Мотив выбора Россией следовать стратегии Запада или нет определяет позитивные и негативные коннотации образа (начало операции ВКС, февральское и сентябрьское перемирие, договор России и Турции). Неопределенность будущего также присутствует в эпизоде вывода контингента. Негативный образ будущего связан с продолжением борьбы с террористами, которыми Россия считает повстанцев (возвращение Пальмиры), намеренное блокирование введения санкций западными странами (атака на конвой ООН) и опасением «повторения Алеппо» в Идлибе (в то же время, перспективы агрессии сирийской армии, поддерживаемой Россией, ставятся под сомнения указанием на изнурение войск). Таким образом, образ будущего актуализирует паттерн «ученика Европы», а также ослабляет влияние России образом неизвестности последствий ее действий.

В целом, мы увидели в образе России тенденции конфронтации и сотрудничества с Западом, разные степени влияния на ход конфликта, воинственных и дипломатических методов, паттерны «нецивилизованности» и покровителя жестоких режимов, выступающего их посредником в отношениях с Западом. Рост влияния России в конфликте связывается с усилением негативных паттернов милитаризма, непредсказуемости, агрессивности и расчетливости

внешней политики, чаще всего ассоциирующихся с Путиным, а также неустойчивостью этого образа в будущем, которые компенсируют снижение влияния США. Интенсификация образа конфронтации с Западом усиливает аспект «нецивилизованности» России, и ее ответственности за негативные аспекты конфликта. Также с ростом влияния Россия репрезентуется как все более препятствующая сотрудничеству с Западом, хотя он «надеется на улучшение отношений». Параллельно происходит отдаление образов повстанцев и их поддержки западными странами. При этом во всех событиях присутствуют знаки российских ударов по оппозиции под предлогом борьбы с ИГ, с тем чтобы укрепить режим «своего союзника» Асада. Соответственно, лейтмотивом либерального дискурса является двуличность внешней политики России, целью которой является удовлетворение ее геополитических амбиций.

2.2. ОБРАЗ РОССИИ В КОНСЕРВАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Образ России в консервативном дискурсе проанализирован на материалах о ключевых событиях кризиса в *The Wall Street Journal*, *The Guardian* и *Le Figaro*.¹⁶⁶

Конституируемый общий образ России и ее лидера содержит ряд течений. Первым является представление о сильной России через «особую роль на Ближнем Востоке» (ввод ВКС РФ), «значение русских было решающим» (возвращение Пальмиры), «самый сильный сторонник» и «архитектор победы» (взятие Алеппо), и ее воинственности: «первая война России на Ближнем Востоке со времен Советского Союза» (так же отсылка к экспансионизму), «эскалация в Сирии» (начало операции ВКС РФ), «помогала разбивать его противников авиаударами» (сентябрьское перемирие), «оккупация» (взятие Алеппо). При этом образ «союзника Асада» появляется только со взятием Пальмиры. В эпизодах соглашений о перемирии отмечаются миротворческие и

---

¹⁶⁶ Приложение Б. – С. 67.

дипломатические устремления России (договор – «унция надежды» для «облегчения страдания сирийцев», «даже если она сидит на переговорах с США о возможном политическом решении», «совместная работа, взаимные усилия министров, партнеров в регионе»), однако они нивелируются через «пессимизм в отношении перспектив эффективного перемирия», провалы в прошлом, «сомнения», одновременном ведении ударов, «хрупкости» соглашений.

В эпизодах ввода и вывода основного контингента, взятия Алеппо и соглашения о перемирии с Турцией упоминания Путина связаны с мотивами двуличности политики («позволила «проектировать имидж решительного лидера дома», намерение «отвлечь внимание мира от Украины»), заявления о сокращении военного контингента), милитаризма (Путин, «прославляющий русских военных», заявление, что «Россия сейчас сильнее, чем любой потенциальный агрессор») и опасности («неожиданность» решения, «нужна осторожность»). Вместе с этим создается представление об авторитарности принятия военных решений, дополняемое в первом эпизоде образом «анонимного одобрения» начала боевых действий «на закрытой сессии» Совета Федерации.

В совокупности эти черты создают образ «нецивилизованной России», особенно ярко проявившийся в событиях с относительно низким влиянием России, в связи с иррациональностью («Российская Православная Церковь поддержала кампанию» как «священную войну» - эпизод начала операции) и вызовом международным нормам («возмущение ООН», «жестокое варварство», «ужасное нарушение международного права и резолюций ООН» - эпизоды атаки конвоя и доклада о химических атаках).

Превалирующим мотивом образа отношений России и Запада является противостояние. Наиболее интенсивным оно представляется при начале военных действий, атаке на гуманитарный конвой и докладе о химических атаках. В первом Россия характеризуется ненадежностью, непредсказуемостью («предупредила США об ударах за час»), коварством («разгадывание истинных

мотивов России»), усложнением кампании западной коалиции против ИГ. В последних – с паттернами холодной войны («бывшие союзники времен холодной войны», «глубокое недоверие между сверхдержавами»), противостоянием международному праву («красная линия», «ясное нарушение резолюций ООН», «может закончиться обращением в Международный уголовный суд»).

В меньшей степени конфронтация проявляется в февральском и сентябрьском перемирии и объявлении о выводе российского контингента, в которых Россия и США позиционируются как равные («главные арбитры», «двумя президентами», «призвание Москвы и Вашингтона»), намеренные сотрудничать («готовность работать вместе», «обсуждение следующих шагов»), но встречающие «внушительные препятствия», основанные на фундаментально разных целях, «сомнения Керри в продолжительности договора». В последних событиях Обама признает недостаточную сплоченность оппозиции для управления страной (отступление от своей позиции), а вместе с исключением западных игроков из договора о перемирии образ США возвышается над конфликтом, позиционируясь как арбитр («Обама был не против переговоров», указав лишь на «необходимость одобрения ООН», ООН отметила «огромное влияние и поддержку, оказанные Керри для достижения мира»).

Паттерн препятствования России сотрудничеству между странами связан с ее принципиальной позицией (первые три события и доклад о химических атаках), неудачами в прошлом (атака на конвой), нежелание России взаимодействовать – «предупредила США об ударах за час», «США были готовы продлить перемирие, если бы на то была добрая воля России», «США ожидают от России прояснения ситуации», но «российский МИД не доступен для контактов» (эпизод с конвоем), исключение США из договора с Турцией. Единственным эпизодом, где нет мотива сотрудничества и признается превосходство кампании России является возвращение Пальмиры. Таким образом, мы увидели, что с ростом значимости России снижается образ

конфронтации, однако он поддерживается на определенном уровне по вине России.

Роль России в конфликте репрезентуется положительно и отрицательно. Положительный образ связан с содействием прекращения огня и мирным договорам, «радикальным реверсированием кризиса», «заметному снижению уровня насилия» (февральское и сентябрьское перемирие, вывод основного контингента, договор с Турцией), борьбой с террористическими группами (февральское перемирие, возвращение Пальмиры и Алеппо), «возвращение стабильности и безопасности в Алеппо» (дополненный образом «безмерной радости» жителей), успешной дипломатией (сотрудничество с Турцией, что «было немыслимо недавно» из-за дипломатического кризиса, «заручение дипломатической поддержкой»). В то же время, эти черты ослабляются неблагоприятными целями – использование Путиным ситуации «для представления России как необходимого игрока на мировой сцене» (начало операции ВКС), стремление Москвы в продвижении «Хмейним» как основы переходного правительства (вывод контингента), победа в Алеппо «дала Путину рычаг для позиционирования Москвы как медиатора власти на Ближнем Востоке», договор с Турцией – «скорее попытка оформить сферы влияния, нежели «мир» в прямом смысле слова» (договор с Турцией). С другой стороны, они девальвируются указанием на опору на военные ресурсы (начало операции ВКС РФ), февральское перемирие, возвращение Пальмиры и Алеппо, договор с Турцией). Значимость России подчеркивается в сентябрьском перемирии («критически важная роль России»), Алеппо (ссылка оценку аналитиков «помощь в победе Асада нельзя переоценить») и договоре с Турцией («более весомый голос в усилиях по регулированию конфликта»

Отрицательный образ связан с тем, что «Москва похоронила надежды на продолжительный мир», «не выполнила свою часть договора» (атака конвоя ООН), и с возможностью заблокировать любое решение Совбеза ООН» и «не справилась с обязательствами» (доклад о химических атаках). В этих эпизодах

складывается ненадежный, дестабилизирующий образ России, к влиянию которой присоединяются черты угрозы и ответственности.

Таким образом, мы видим, что влияние России коррелирует с паттернами несоответствующих целей и средств, ее способствованием миру и ухудшению ситуации.

В образе военной стратегии доминирует паттерн изворотливости кампании, в большей степени связанный с вмешательством в конфликт под предлогом борьбы с ИГ, но в действительности наносящей удары по оппозиции, поддержкой режима Асада (ввод и вывод контингента, февральское и сентябрьское соглашения, возвращение Пальмиры, договор с Турцией). Несоответствие между заявлениями России и реальностью прослеживается в эпизоде вывода контингента, сроков и признаков начала которого нет, заявленные цели не достигнуты, не смотря на утверждение Путина.

Другим аспектом образа является воинственность, которая артикулирована во всех анализируемых событиях. Наибольшую интенсивность паттерн милитаризма приобретает в эпизоде взятия Алеппо, создавая образ победы сильного над слабым (для оппозиции «победа была невозможной», поскольку она не способна создать единый фронт), варварства (Асад, «благотворящий кровь мучеников и жертвы храбрых вооруженных сил Сирии и ее союзников», кампания России «стоила много крови и средств», дала России «беспрецедентную возможность продемонстрировать свой арсенал»), внушения ужаса (образ жителей, эвакуированных в негуманных условиях и бросивших все из-за страха жить под контролем режима). Соответственно, воинственность и использование ложных предлогов для реализации своих целей имеют место во всех событиях, влияя на образ значения России в конфликте.

В образе-будущем России прослеживаются такие тенденции, как его зависимость от будущего сотрудничества с Западом и изменения позиции, успешность борьбы с террористами (эпизод возвращения Пальмиры), опасность («Идлиб может стать вторым Алеппо») и неопределенностью – зависимость от

результатов расследований России и США (атака на конвой ООН), «Россия выиграла главные битвы для Асада, но нет уверенности, что главная война будет полностью выиграна» (взятие Алеппо). Первая из этих тенденций проявляется в выборе Россией между Асадом («ретроградный шаг», «худший итог») и Западом («часть международных действий против ИГ», «это к лучшему»), что показывают четкую дихотомию будущего образа. Далее дихотомия становится менее явной, но по-прежнему сохраняется связь между следованием Западу и положительным ходом конфликта (февральское и сентябрьское перемирия, вывод контингента, атака на конвой, договор с Турцией).

В целом, динамика образа России в консервативном дискурсе показала следующие тенденции. При росте влияния включительно до перемирия в сентябре 2016 года паттерн конфронтации меняется в сторону все большего препятствия со стороны России. Черты «нецивилизованности», отсылки к холодной войне и СССР, прошлым провалам, связь с режимом Асада и его демонизацией снижаются с ростом влияния, оставляя нелегитимные цели в конфликте, воинственность и препятствование сотрудничеству. Эпизоды с гуманитарным конвоем и химическим оружием демонстрируют снижение влияния России и интенсификацию черт, связанных с «нецивилизованностью», и обострением конфронтации с Западом. Значительный рост влияния в последних сопровождается снижением ряда негативных аспектов, и отсутствием прямой конфронтации с Западом, который позиционируется как арбитр, стоящий над всем конфликтом. Консервативный дискурс в меньшей степени использует знак «Путин», чем либеральный, но также связывает его с военными и геополитическими решениями. В образе будущего используются механизмы неопределенности последствий, ответственности России за негативные аспекты конфликта (характерно для большей степени влияния), а также формирование позитивного и негативного образа в зависимости от перспектив отношений с Западом (характерно для меньшей степени влияния).

2.3. ОБРАЗ РОССИИ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Для изучения образа России в националистическом дискурсе мы выбрали интернет-версии газет Breitbart, Daily Express и La Tribune.¹⁶⁷

Одной из черт общего образа России и ее лидера является авторитарность и непредсказуемость, которые выражены в начале операции ВКС РФ (начата «в ответ на письмо Асада Путину» с просьбой о помощи, номинальность одобрения Совета Федерации), выводе контингента («никто не знает, что у Путина на уме», «это сюрприз, так же, как он вступил в войну»). Двуличность политики России прослеживается в начале операции («удары начались через пару часов» после призыва Путина в ООН к «расширенной коалиции» против ИГ) и выводе контингента (Путин «не обозначил срок» вывода, «сказал, что силы останутся в порту, на авиабазе»).

Миротворческие устремления России конструируются как скорее декларативные в эпизодах февральского соглашения (намерение работать с Асадом, который «имеет собственную историю нарушений обещаний»), вывода войск («эффективная работа военных создала условия для старта мирных переговоров» - опора на военные ресурсы), сентябрьского соглашения (договор характеризуется «хрупкостью», «скептицизмом», «сомнениями, будет ли Путин выполнять свою часть договора»), атака на конвой («совместное вето с Китаем против наложения санкций на Сирию», которая нарушила международное право).

С другой стороны, дипломатия представляется успешной при взятии Алеппо (сотрудничество с Турцией для организации эвакуации) и соглашение о прекращении огня при посредничестве с Турцией и Ираном, «представляющее значимый прорыв», отмечается стремление России сотрудничать, выработка рациональной стратегии («убеждают других ключевых международных игроков присоединиться» и «Москва пригласит Египет, прежде, чем привлечь региональные силы, такие как Саудовская Аравия, Катар, Ирак и Иордания»).

---

¹⁶⁷ Приложение В. – С. 71.

Воинственность России конструируется во всех событиях, кроме февральского соглашения, обвинения Асада в химических атаках и договора с Турцией. Образ «нецивилизованности» основан на противопоставлении международным нормам в эпизодах атаки на конвой и применения химического оружия, связан с характеристиками атаки как «отвратительная, «дикая», «очевидно намеренная» и ее исполнителей как «трусов» Пан Ги Муном, а также ассоциируется с «варварскими» действиями режима Асада, как назвал их Б. Джонсон. В событиях Пальмиры, Алеппо и договора с Турцией (события с наибольшей влиятельностью) с образом России связано наименьшее количество негативных характеристик.

Центральным аспектом образа отношений России и Запада является конфронтация, проявляющаяся с разной степенью интенсивности даже в эпизодах сотрудничества государств. Степень противостояния-сотрудничества, а также «победителя» на данном этапе соперничества развиваются в соответствии с изменением динамики влиятельности России.

В событиях с наименьшим влиянием (начало операции, февральское перемирие, атака на конвой и доклад о химических атаках) используются образы «столкновения», «бывших врагов времен холодной войны», дипломатические провалы, усилия Керри по сохранению перемирия и обозначение Лаврова его «противоположностью», «спарринг-партнером», «разрушение доверительности в отношениях», «максимальные обвинения со стороны США». События с наибольшим влиянием (Пальмира, сентябрьское перемирие, Алеппо и договор с Турцией) формируют представления, меняющиеся от соперничества в успехах в борьбе с терроризмом к кооперации, «несмотря на постоянное недоверие», разоблачением демонизации России и Сирии «западной либеральной пропагандой» и «сговоре с радикалами», и до намерения Москвы «посмотреть на команду Трампа, когда он придет к власти», что является «явным оскорблением Обамы».

Конфронтация связана с непредсказуемостью («ошеломление» Пентагона, ненадежностью России («Россия не предупредила о своем решении», «военные отношения так не ведутся», «настороженность западных дипломатов», обмен «уместной информацией»), ее препятствованием сотрудничеству («Керри пытался отговорить русских от сотрудничества с Асадом», переговоры провалились из-за «массивного правительственного наступления при поддержке российских авиаударов»). Одновременно с этим, отмечается готовность «США работать с любым государством, чтобы разрешить конфликт», Москва надеется на военное сотрудничество с США», «делают возможным возобновление перемирия».

Соответственно, с ростом влияния России снижается интенсивность образа конфронтации (в последних двух событиях создается представление, что она выиграна Россией) и степень негативности характеристик России.

Роль России представляется как негативная и позитивная. В обеих отдельной чертой выступает поддержка режима Асада, ассоциирующегося с «злодеяниями» и препятствованием миру в Сирии (начало операции ВКС, доклад о химических атаках), и способность России оказывать на него влияние, что является одним из оснований ее значимости в урегулировании кризиса (февральское и сентябрьское перемирие, вывод войск, возвращение Пальмиры, договор с Турцией).

Негативный аспект образа связан с усугублением конфликта: «непоследовательность усилиям по деконфликтации» (начало военной операции), заявление Франции, что «переговоры России и США достигли своего предела», о «необходимости помощи других стран в продвижении мирного процесса» (удары по конвою ООН), «препятствие реализации правового наказания за нарушение многолетней международной нормы», продолжением «совершения военных преступлений», сравнимых с «Руандой, Камбоджи, Китаем Мао, советскими ГУЛАГами» (доклад о химических атаках).

Образ позитивного вклада в конфликт формируют успехи в переговорах и способствовании миру (февральское и сентябрьское прекращения огня, эпизод с атакой на конвой ООН, Алеппо, договор с Турцией): «надежда на прорыв в урегулировании конфликта», «уменьшение боев», поддержка договоров Асадом и его союзниками, «процесс Керри-Лаврова – единственная альтернатива», «возвращение стабильности и безопасности в Алеппо», «смертельный удар по террористам и их сторонникам». В то же время, отмечается ограниченность и хрупкость соглашений, «временное затишье», опора на военные ресурсы и связи с Асадом в дипломатических успехах и укреплении позиций в регулировании кризиса.

Образ-будущее России включает такие аспекты, как ухудшение ситуации (начало операции, февральское перемирие, вывод войск, атака на конвой ООН, Алеппо – опасность, что Идлиб станет «новой ареной насилия») и намерения продолжать борьбу с ИГ (возвращение Пальмиры и Алеппо, договор с Турцией). Значение России в будущем ходе кризиса соотносится со знаками: «если Россия разрешит кризис ИГ, то нанесет катастрофический урон влиятельности и надежности США в регионе» (начало операции), заявление Керри, что «единственным реальным решением конфликта будет возвращение к переговорам под эгидой ООН» (сентябрьское перемирие), намерение Великобритании урегулировать ситуацию (доклад о химическом оружии), решительность и намерение России предъявить «доказательства военных преступлений террористов в Сирии» (договор с Турцией). Соответственно, позитивное изменение образа связано с высоким влиянием России и низким уровнем конфронтации со странами Запада.

Общий тренд изменения динамики влиятельности России в конфликте повторяет предыдущие дискурсы, однако имеет свои отличия. С ростом влияния (до нападения на конвой) связан паттерн открытости Запада к сотрудничеству и препятствования этому Россией, снижение негативных аспектов образа, до объяснения влияния исключительно военной силой и нелегитимных целей. В

эпизодах с меньшим влиянием – начало операции ВКС РФ, нападение на конвой и применение химического оружия, актуализируются паттерны «нецивилизованности», холодной войны и СССР. Также с ростом влияния образ Запада дистанцируется от повстанцев, но снова связывается в последних событиях с наивысшим уровнем влияния России. В них влияние Запада и конфронтация нивелируются, а образ России становится относительно позитивным, в основном в связи с решительностью и эффективностью действий в конфликте. Также дискурс использует образ Путина, который меняется от коварного к успешному, ассоциируя его с авторитарностью решений.

Мы проанализировали динамику образа России и его аспекты в трех дискурсах западных СМИ, имеющих схожие и отличные механизмы формирования образа. Далее мы перейдем к их сравнению и выводам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были проанализированы дискурсы западноевропейских СМИ, освещавших ключевые события сирийского конфликта в 2015-2016 гг., и определены формируемые в них образы России. С помощью определенной нами структуры образа государства и дискурс-анализа теории Э. Лаклау и Ш. Муффа, нам удалось выявить аспекты образа России, определяющие представление о ее значении в конфликте, и их динамику. Кроме того, мы изучили историю формирования представлений о России в странах Западной Европы и США, с тем, чтобы выявить сформированные стереотипы и механизмы их актуализации с тем, чтобы проследить их наличие в современных дискурсах.

В либеральном дискурсе наиболее ярко выражена тенденция актуализации негативных аспектов образа России с ростом ее влияния и попытки его нивелирования. Также усиливается паттерн конфронтации по вине России при открытости США сотрудничеству, который во многом обусловлен выбором Россией сотрудничества между Западом и Востоком. Основными механизмами снижения влияния России являются «нецивилизованность», милитаризм, отсылки к геополитическим амбициям и противостоянию, связанные с холодной войной и СССР, ссылки на Украину, указания на предыдущие политические просчеты, вероятностью усилить ИГ. Эпизод соглашения с Турцией конструирует образ символической победы за влияние Путина над Обамой, значительно демонизирует образ России, и связывает надежду на улучшение отношений уже с новым президентом Трампом, но если Россия сменит свою принципиальную позицию.

Консервативный дискурс повторяет динамику образа значимости России в конфликте, но при этом с ростом влияния диапазоны негативных черт и паттерн конфронтации снижаются. Наиболее сильный образ конфронтации в эпизодах с наименьшей ролью России, связанных с нарушением международных норм. После эпизода вывода основного контингента ВКС РФ из Сирии начинается тренд образа превосходства над США (влияние же США постепенно смещается

в плоскость арбитра, не имеющего реального воздействия на ход конфликта), за исключением эпизодов с конвоем ООН и химическим оружием. В них же используется больше знаков препятствования Россией воли международного сообщества, чем в либеральном дискурсе. Также консервативный дискурс наряду с другими особо активно использует паттерн военной силы России, обеспечивающей ее влияние, и коварства внешней политики.

Аналогичная динамика образа влиятельности России и ее взаимосвязь с паттерном конфронтации обнаружены в националистическом дискурсе. Доминирующим отрицательным мотивом образа является ненадежность России как партнера и опора на военные ресурсы. Однако в данном дискурсе эпизоды наименьшего и наибольшего влияния России имеют свои особенности, заключающиеся в очень ярких ассоциациях. Так же националистический дискурс более определенно обозначает снижение влияния США в конфликте и увеличение России.

Таким образом, идеологические установки влияют на конструируемый образ. Либеральный дискурс через «злые» намерения России, противоположные идеалам либерализма, стремится снизить представление о ее значении в конфликте. Консервативный дискурс чаще апеллирует к тому, что сотрудничество, которое могло бы способствовать разрешению конфликта, затруднено из-за политики России. Националистический дискурс в большей степени исходит из действий России и их последствий на ход кризиса, также в нем в меньшей степени проявляется взаимосвязь подражания Европе и позитивных коннотаций образа.

Для всех дискурсов основным рычагом формирования негативного образа России была восточная ориентация России, выразившаяся в принципиальной поддержке Асада, союзе с Ираном и Турцией. В связи с этим в разной степени актуализировались различные аспекты паттерна «нецивилизованности», наиболее часто связанные с воинственностью, жестокостью, иррациональностью, лицемерностью внешней политики. С ростом влияния

Россия представлялась все более ответственной за ход конфликта, особенно отрицательные моменты, а также делались указания на прошлые неудачи, сомнения и неизвестность в будущем. Запад в большей степени позиционировался, как желающий сотрудничать, но встречающий препятствия в нежелании России или своем неприятии ее «варварских» действий. Частым мотивом был выбор Россией пути в союзе с Асадом или Западом, от которого зависел позитивный или негативный образ России.

На основе нашего анализа, мы можем утверждать, что, в большинстве случаев, дискурсы западных СМИ через образ военной стратегии и отношений с Западом, а также образ-будущее репрезентуют Россию негативно. Отрицательные аспекты образа России и ее лидера во внутренней политике использовались только в первых эпизодах освещения участия России в сирийском кризисе, затем же фокус всех дискурсов перешел исключительно на ее внешнюю политику, что мы можем объяснить ростом влияния России в конфликте.

Либеральный и консервативный дискурсы ассоциируют с Путиным принятие военных решений и геополитические интересы России. В националистическом авторитарность решений Путина меняет значение от двуличных до решительных.

Мы увидели, что и на современном этапе имеют место стереотипы о России, сложившиеся на протяжении истории. Помимо выше обозначенных тенденций (западная и восточная ориентации, «нецивилизованность», изворотливость политики) они четко просматриваются в ссылках на холодную войну и империализм СССР. Соответственно, «осадочный дискурс» по-прежнему играет важную роль в конструировании образа России в западном дискурсе.

Нельзя однозначно утверждать, что какой-либо из изученных дискурсов формирует более или менее негативный образ России. Однако по сопоставлению динамики образа роли Запада как значимого участника конфликта можно сказать,

что в либеральном дискурсе образ России наименее влиятельный, более влиятельный в консервативном, и самый – в правом. Исходя из того, что либеральный дискурс усиливает негативную репрезентацию России с ростом ее значимости, мы можем установить, что он наиболее активный в формировании негативного образа России на Западе.

В исследованном временном периоде нами наблюдалось укрепление позиции России как ключевого регулятора сирийского конфликта в 2015-2016 гг. Влияние этих образов на внешнюю политику России и стран Запада, и, соответственно, новые образы должны стать объектом будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Монографии**

1. «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 368 с.: с ил.
2. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Политическая реклама. М.: Никколо-Медиа, 2002. – 240 с.: с илл.
3. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2е изд., испр. – Харьков.: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. – 624 с.
4. Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.
5. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисовие А.И. Миллера. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
6. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 288 с.
7. Adler E. Constructivism and International Relations: Sources, Contribution, and Debates // Handbook of International Relations / ed.: Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. – London: SAGE Publications, 2013. – P. 95-118.
8. Cerny P. G. Reconfiguring Power in a globalizing world // The Sage Handbook of Power / ed.: Clegg S., Haugaard M. – London: Sage, 2009. – P. 383-399.

9. Fearon J. and Wendt A. Rationalism v. Constructivism: A Skeptical View // Handbook of International Relations / ed.: Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. – London: SAGE Publications, 2002. – P. 52-72.
10. Foucault M. The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. – New York: Pantheon Books, 1972. – 246 p.
11. Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. – London; New York: Routledge, 2006. – 239 p.
12. Lang J.S. Foreign Policy and the Media. The US in the Eyes of the Indonesian Press. – London: Macmillan Publishers Ltd. – 2016. – 255 p.
13. Malia M.E. Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. – London: Harvard University Press. – 1999. – 514 p.
14. Tarasheva E. The Image of a Country created by International Media: The Case of Bulgaria. – Cambridge Scholars Publishing. – 2014. – 185 p.

Статьи из периодических изданий

1. Василенко И.А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны // Власть. – 2014. – № 10. – С. 204-208.
2. Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – №3 (19). – С. 29-45.
3. Дукин Р.А. Социальные медиа в эпоху информационных войн и угроза информационной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. 1 (13). – С. 53-56.
4. Окунь А. Б. Американцы «открывают» Россию, или роль русского «другого» в формировании американской идентичности (Рецензия на

- монографию: Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.) // Вестник РГГУ. – М., 2014. – № 18 (140). – С. 236-245.
5. Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 107-121.
  6. Просянюк Д.В. Теоретико-методологические основания изучения образа России в зарубежных средствах массовой информации // Человек. Управление. Общество. – 2013. – №1. – С.32-47.
  7. Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 7-18.
  8. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы) // Полис. Политические исследования. – 2006. – №6. – С. 110-124.
  9. Смирнова А. Г. Образ государства как инструмент познания угрозы в международных отношениях (на примере ядерной программы Ирана) // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 34-44.
  10. Смирнова А. Г. Познание в международных отношениях: основные характеристики // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 12, выпуск 4. – С. 552-652.
  11. Федякин А. В. Образ государства: теоретико-методологические аспекты // Аспекты: сб. ст. по философским проблемам истории и современности. – М.: Современные тетради, 2005. – Вып. III. – С. 178-190.

12. Федякин А.В. Содержание и структурные компоненты образа государства // Аспекты: Сб. статей по филос. Проблемам истории и современности. – М.: Современные тетради, 2006. – Вып IV. – С. 278-291.
13. Adamovsky E. Russia as the Land of Communism in the Nineteenth Century? Images of Tsarist Russia as a Communist Society in France, c. 1840-1880. // Cahiers du Monde Russe. – 2004. – Vol.45, No.3/4. – P. 497-519.
14. Baranovsky V. A Part of Europe or Apart from Europe? // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). – 2000. – Vol.76, No.3, Europe: Where Does It Begin and End? – P. 443-458.
15. Hall R. B. The Discursive Demolition of the Asian Development Model // International Studies Quarterly. – 2003. – Vol. 47, no. 1. – P. 71–99.
16. Hopf T. Identity, Legitimacy, and the Use of Military Force: Russia's Great Power Identities and a Military Intervention in Abkhazia // Review of International Studies. – 2005. – Dec. – P. 225-243.
17. Khashanah K. The Syrian Crisis: a systemic framework // Contemporary Arab Affairs. – 2014. – Vol. 7, No. 1. – P. 1–21.
18. Kristof K.D. The Geopolitical Image of the Fatherland: The Case of Russia // The Western Political Quarterly. – 1967. – Vol.20, No.4. – P. 941-954.
19. Lundestad I. Turning Foe to Friend? US Objectives in Including Russia in Post-Cold War Euro-Atlantic Security Cooperation // The International History Review. – 2016. – Vol. 38, No. 4. – P. 694-718.
20. MacFie A.L. Opinions of the European Press on the Eastern Question, 1836 // Middle Eastern Studies. – 1991. – Vol.27, No.1. – P. 131-139.

21. Paul M.C. Western Negative Perceptions Of Russia: "The Cold War Mentality" Over Five Hundred Years // International Social Science Review. – 2001. – Vol. 76, No. 3/4. – P. 103-121.
22. Pettersson L. Changing images of the USA in German media discourse during four American presidencies // International journal of cultural studies. – 2011. – Vol. 14(1). – P. 35–51.
23. Price R. A Genealogy of the Chemical Weapons Taboo // International Organization. – 1999. – Vol, 53. No. 03. – P. 433–468.
24. Stent A. Putin's Power Play in Syria. How to Respond to Russia's Intervention // Foreign Affairs. – 2016. – January/February.– P. 106-113.
25. Tudoroiu T. The Arab Spring: last episode of the Cold War // Contemporary Politics. – 2013. – Vol. 19, No. 3. – P. 304–320.
26. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politic // International Organization. – 1992. – Vol. 46, No. 2. – 391-425 p.
27. Wendt A. On Constitution and Causation in International Relations // Review of International Studies. – 1998. – Vol. 24, no. 05. – P. 101-118.

Электронные ресурсы

1. Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2008. – №2. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/252>. – Дата обращения: 15.02.17.
2. Журавлева В.И. Свет американской свободы и «империя тьмы»: образ России в контексте «новой мессианской идеи» в США [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. – 2008. – №1 (17). – URL: http://www.nivestnik.ru/2008_1/15.shtml. – Дата обращения: 07.04.17.

3. Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма [Электронный ресурс] // Политэкс. – 2007. – №3. – URL: <http://www.politex.info/content/view/367/30/>. – Дата обращения: 29.01.17.
4. Мартынов К. Россия без Ketchum [Электронный ресурс] / Новая Газета. – 15.03.15. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/16/63404-rossiya-bez-ketchum>. – Дата обращения: 22.03.17.
5. Морозов В.Е. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом [Электронный ресурс] // Международные процессы. – 2014. – № 3 (38). – URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm>. – Дата обращения: 29.01.17.
6. Baing J., Lodhi S. War of Worlds: Russia and US over Syria // Foreign Policy News. – 25.12.2016. – URL: <http://foreignpolicynews.org/2016/12/25/war-words-russia-us-syria/>. – Дата обращения: 15.05.17.
7. Digital News Report: Most Europeans excess news online...and on Television // European Journalism Observatory. – 23.10.15. – URL: <http://en.ejo.ch/digital-news/digital-news-report-most-europeans-access-news-online-and-on-television>. – Дата обращения: 03.02.17.
8. Tsygankov A.P. The dark double: the American media perception of Russia as a neo-Soviet autocracy, 2008–2014 // Politics. – 2017. – Vol. 37(1). – P. 19–35.
9. The top 500 sites on the web // Alexa. URL: <http://www.alexa.com/topsites/category/Top/News/Newspapers>. – Дата обращения: 31.03.2017.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении приведен список источников, использованных для анализа, расположенный в хронологическом порядке: начало операции ВКС РФ (1), перемирие при содействии России и США (2), объявление о выводе основного российского контингента с территории Сирии (3), возвращение Пальмиры сирийской армией (4), договор о прекращении огня при посредничестве России и США (5), окончание перемирия в связи с атакой на гуманитарный конвой (6), доклад ООН и ОЗХО о применении Асадом химического оружия (7), взятие Алеппо армией Асада (8), соглашение о перемирии в Сирии при содействии России, Турции и Ирана (9).¹⁶⁸

Приложение А

Le Monde

1. Que visaient les premières frappes russes en Syrie? [Электронный ресурс] // Le Monde. – 30.09.15. – URL: http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2015/09/30/poutine-autorise-a-envoyer-des-soldats-a-l-etranger_4777870_3218.html. – Дата обращения: 16.04.17.
2. Syrie : Bachar Al-Assad accepte la trêve proposée par Washington et Moscou [Электронный ресурс] // Le Monde. / 22.02.16. – URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2016/02/22/syrie-un-cessez-le-feu-propose-a-partir-du-27-fevrier_4869833_3210.html. – Дата обращения: 18.04.17.
3. Chabas C. Vladimir Poutine annonce le début du retrait des troupes russes de Syrie. Le Monde. 15.03.16. URL: <http://www.lemonde.fr/international/article/2016/03/14/vladimir-poutine->

¹⁶⁸ Для La Tribune хронология событий: (1), (2), (4), (5), (7), (9).

- [annonce-le-debut-du-retrait-des-troupes-russes-de-syrie_4882714_3210.html](http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2016/03/27/syrie-l-armee-annonce-avoir-repris-la-ville-antique-de-palmyre-a-l-etat-islamique_4890769_3218.html). – Дата обращения: 19.04.17.
4. Ban Ki-moon salue la reprise de Palmyre par l'armée syrienne [Электронный ресурс] // Le Monde. – 27.03.16. – URL: http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2016/03/27/syrie-l-armee-annonce-avoir-repris-la-ville-antique-de-palmyre-a-l-etat-islamique_4890769_3218.html. – Дата обращения: 20.04.17.
  5. Barthe B. Le sort du cessez-le-feu en Syrie se joue à Alep [Электронный ресурс] // Le Monde. – 12.09.16. – URL: http://www.lemonde.fr/syrie/article/2016/09/12/le-sort-du-cessez-le-feu-en-syrie-se-joue-a-alep_4996193_1618247.html. – Дата обращения: 20.04.17.
  6. Pflimlin E. Fin de la trêve en Syrie, un convoi humanitaire frappe [Электронный ресурс] // Le Monde. – 20.09.16. – URL: http://www.lemonde.fr/syrie/article/2016/09/20/fin-de-la-treve-en-syrie-un-convoi-humanitaire-frappe_5000407_1618247.html. – Дата обращения: 21.04.17.
  7. Syrie : l'ONU accuse l'armée syrienne d'une troisième attaque chimique en 2015 [Электронный ресурс] // Le Monde. – 22.10.16. – URL: http://www.lemonde.fr/syrie/article/2016/10/22/syrie-l-onu-accuse-l-armee-syrienne-d-une-troisieme-attaque-chimique-en-2015_5018380_1618247.html. – Дата обращения: 23.04.17.
  8. Alep reprise aux rebelles par le régime syrien [Электронный ресурс] // Le Monde. – 23.12.16. – URL: http://www.lemonde.fr/syrie/article/2016/12/23/alep-reprise-aux-rebelles-par-le-regime-syrien_5053234_1618247.html. – Дата обращения: 24.04.17.
  9. Syrie : Damas, Moscou, Ankara et l'opposition annoncent un accord de cessez-le-feu [Электронный ресурс] // Le Monde. – 29.12.16. – URL: <http://www.lemonde.fr/syrie/article/2016/12/29/syrie-damas-moscou-ankara->

et-l-opposition-annoncent-un-accord-de-cessez-le-feu_5055330_1618247.html.

– Дата обращения: 25.04.17.

The Guardian

1. US accuses Russia of 'throwing gasoline on fire' of Syrian civil war [Электронный ресурс] / Walker S. et al // The Guardian. – 01.10.15. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/30/russia-launches-first-airstrikes-against-targets-in-syria-says-us>. – Дата обращения: 16.04.17.
2. Wintour P. US and Russia agree to enforce new Syria ceasefire [Электронный ресурс] // The Guardian. – 22.02.16. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/feb/22/us-and-russia-agree-to-enforce-new-syria-ceasefire>. – Дата обращения: 17.04.17.
3. Wintour P., Walker S. Vladimir Putin orders Russian forces to begin withdrawal from Syria [Электронный ресурс] // The Guardian. – 15.03.16. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/14/vladimir-putin-orders-withdrawal-russian-troops-syria>. – Дата обращения: 17.04.17.
4. Shaheen K. Assad hails Syrian regime's capture of Palmyra from Isis. [Электронный ресурс] // The Guardian. – 27.03.16. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/27/syrian-regime-forces-retake-all-of-palmyra-from-isis>. – Дата обращения: 18.04.17.
5. Weaver M. Syria ceasefire begins as agencies prepare to deliver aid [Электронный ресурс] // The Guardian. – 12.09.16. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/12/aid-agencies-on-standby-with-syria-ceasefire-due-to-start-at-sunset>. – Дата обращения: 19.04.17.
6. Borger J., Ackerman S. Ban Ki-moon condemns 'apparently deliberate' Syria aid convoy attack [Электронный ресурс] // The Guardian. – 20.09.16. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/20/un-suspends-all-aid-convoy-movements-in-syria-after-airstrike>. – Дата обращения: 20.04.17.

7. Gayle D. Syrian forces responsible for third chemical attack, say investigators. [Электронный ресурс] // The Guardian. – 22.10.16. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/22/syrian-forces-responsible-for-third-chemical-attack-say-investigators>. – Дата обращения: 23.04.17.
8. Shaheen K., Wintour P. Final evacuees leave eastern Aleppo as Assad regime takes control [Электронный ресурс] // The Guardian. – 22.12.16. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/22/final-evacuees-leave-eastern-aleppo-as-assad-regime-takes-control>. – Дата обращения: 24.04.17.
9. Wintour P. Why Russia-brokered Syrian ceasefire has chance of succeeding [Электронный ресурс] // The Guardian. – 29.12.16. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/29/russia-calling-shots-middle-east-syria>. – Дата обращения: 25.04.17.

The New York Times

1. Cooper H., Gordon M.R. And Macfarquhar N. Russians Strike Targets in Syria, but Not ISIS Areas [Электронный ресурс] // The New York Times. – 30.09.15. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/10/01/world/europe/russia-airstrikes-syria.html>. – Дата обращения: 17.04.17.
2. Landler M. U.S.-Russia Deal on a Partial Truce in Syria Raises More Doubt Than Optimism [Электронный ресурс] // The New York Times. – 22.02.16. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/02/23/world/middleeast/us-russia-cease-fire-in-syria-obama-putin.html>. – Дата обращения: 18.04.17.
3. Macfarquhar N., Barnard A. Putin Orders Start of Syria Withdrawal, Saying Goals Are Achieved [Электронный ресурс] // The New York Times. – 14.03.16. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/15/world/middleeast/putin-syria-russia-withdrawal.html>. – Дата обращения: 19.04.17.
4. Saad H., Fahim K. Syrian Troops Said to Recapture Historic Palmyra From ISIS [Электронный ресурс] // The New York Times. – 27.03.16. – URL:

<https://www.nytimes.com/2016/03/28/world/middleeast/syria-palmyra.html>. –

Дата обращения: 21.04.17.

5. Barnard A., Gladstone R. Syria Is Calmer but Cautious as Cease-Fire Begins [Электронный ресурс] // The New York Times. – 12.09.16. – URL: https://www.nytimes.com/2016/09/13/world/middleeast/hours-before-cease-fire-assad-vows-to-recover-every-area-in-syria.html?_r=0. – Дата обращения: 22.04.17.
6. Barnard A., Gordon M.R. Aid Convoy Is Hit in Syria as Cease-Fire Falts and Bombings Resume [Электронный ресурс] // The New York Times. – 19.09.16. – URL: https://www.nytimes.com/2016/09/20/world/middleeast/syria-aid-john-kerry.html?_r=0. – Дата обращения: 23.04.17.
7. Inquiry Blames Syrian Military for Another Chlorine Gas Attack [Электронный ресурс] // The New York Times. – 21.10.16. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/10/22/world/middleeast/syria-chemical-weapons-chlorine.html>. – Дата обращения: 25.04.17.
8. Hubbard B. Turning Point in Syria as Assad Regains All of Aleppo. [Электронный ресурс] // The New York Times. – 22.12.16. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/22/world/middleeast/aleppo-syria-evacuation.html>. – Дата обращения: 26.04.17.
9. Hubbard B., MacFarquhar N. New Cease-Fire Begins in Syria, but Violations Are Reported Within Hour [Электронный ресурс] // The New York Times. – 29.12.16. – URL: <http://www.nytimes.com/2016/12/29/world/middleeast/syria-cease-fire.html>. – Дата обращения: 27.04.17.

Приложение Б**Le Figaro**

1. Avril P. Moscou rejette les doutes des Occidentaux sur ses frappes en Syrie [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 01.10.15. – URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2015/09/30/01003-20150930ARTFIG00381-poutine-lance-l-aviation-russe-dans-la-guerre-en-syrie.php>. – Дата обращения: 17.04.17.
2. Maligorne C. Syrie : Moscou et Washington annoncent un cessez-le-feu pour samedi [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 22.02.16. – URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/02/22/01003-20160222ARTFIG00363-syrie-moscou-et-washington-annoncent-un-cessez-le-feu-pour-samedi.php>. – Дата обращения: 17.04.17.
3. Malbrunot G. Syrie: Poutine annonce le début du retrait des forces russes [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 14.03.16. – URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/03/14/01003-20160314ARTFIG00372-syrie-poutine-annonce-le-debut-du-retrait-des-forces-russes.php>. – Дата обращения: 19.04.17.
4. Jova P. La Syrie annonce la reprise totale de Palmyre [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 26.03.16. – URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/03/26/01003-20160326ARTFIG00136-syrie-la-bataille-de-palmyre-se-fait-avec-l-appui-des-forces-speciales-russes.php>. – Дата обращения: 20.04.17.
5. Peyrach' A. Syrie : la trêve entre en vigueur en vertu d'un accord américano-russe [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 13.09.16. – URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/09/12/01003-20160912ARTFIG00172-syrie-la-treve-doit-commencer-assad-dit-vouloir-securiser-le-pays.php>. – Дата обращения: 21.04.17.
6. Peyrach' A. Syrie: l'aide humanitaire suspendue après l'attaque d'un convoi [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 20.09.16. – URL:

- <http://www.lefigaro.fr/international/2016/09/20/01003-20160920ARTFIG00304-syrie-l-aide-humanitaire-suspendue-apres-l-attaque-d-un-convoi.php>. – Дата обращения: 22.04.17.
7. Attaque chimique de l'armée syrienne en mars 2015 [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 22.10.16. – URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2016/10/22/97001-20161022FILWWW00019-attaque-chimique-de-l-armee-syrienne-en-mars-2015.php>. – Дата обращения: 24.04.17.
8. L'armée syrienne annonce avoir repris le contrôle total d'Alep [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 22.12.16. – URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/12/21/01003-20161221ARTFIG00242--alep-l-evacuation-des-civils-se-poursuit-au-compte-gouttes.php>. – Дата обращения: 25.04.17.
9. La Turquie et la Russie s'accordent sur un cessez-le-feu en Syrie [Электронный ресурс] // Le Figaro. – 28.12.16. – URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/12/28/01003-20161228ARTFIG00063-la-turquie-et-la-russie-s'accordent-sur-un-cessez-le-feu-total-en-syrie.php>. – Дата обращения: 26.04.17.

The Telegraph

1. Oliphant R., Alexander H. and Blair D. Russian general tells US diplomats: 'We launch Syria air strikes in one hour. Stay out of the way' [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 30.09.15. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/11902275/Russian-general-tells-US-diplomats-We-launch-Syria-air-strikes-in-one-hour.-Stay-out-of-the-way.html>. – Дата обращения: 18.04.17.
2. Sanchez R. Syria war: US and Russia agree new truce 'to start at weekend' [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 22.02.16. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/12168912/Syria->

- [war-US-and-Russia-agree-new-truce-to-start-at-weekend.html](#). – Дата обращения: 19.04.17.
3. Sanchez R. Russia 'to pull its forces out of Syria' [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 14.03.16. – URL: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/12193904/Russia-to-pull-out-of-Syria-anniversary-civil-war-five-years-vladimir-putin-latest.html?WT.mc_id=e_DM98935&WT.tsrc=email&etype=Edi_Pol_New_EU&utm_source=email&utm_medium=Edi_Pol_New_EU_2016_03_15&utm_campaign=DM98935. – Дата обращения: 20.04.17.
  4. Syrian army retakes ancient city of Palmyra [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 27.03.16. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/03/27/syrian-army-retakes-ancient-city-of-palmyra/>. – Дата обращения: 22.04.17.
  5. Ensor J. Assad vows to retake whole of Syria hours before start of ceasefire [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 12.09.16. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/09/12/assad-vows-to-retake-whole-of-syria-ahead-of-ceasefire/>. – Дата обращения: 23.04.17.
  6. Ensor J. Syrian conflict: Russia claims bombed UN aid convoy was 'escorted by terrorists' [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 20.09.16. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/09/19/un-aid-convoy-hit-by-airstrike-in-aleppo-minutes-after-end-of-ce/>. – Дата обращения: 24.04.17.
  7. UN accuses Syria of carrying out gas attacks [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 22.10.16. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/10/22/un-accuses-syria-of-carrying-out-gas-attacks/>. – Дата обращения: 26.04.17.
  8. Williams S.E. Assad claims victory in Aleppo as the last rebels evacuate [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 22.12.16. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/22/assad-claims-victory-aleppo-last-rebels-evacuate/>. – Дата обращения: 27.04.17.

9. Ensor J., Oliphant R. Vladimir Putin announces ceasefire between Syrian government and rebels [Электронный ресурс] // The Telegraph. – 29.12.16. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/29/vladimir-putin-announces-ceasefire-syrian-government-rebels/>. – Дата обращения: 29.04.17.

The Wall Street Journal

1. Hodge N., Lubold G. and Dagher S. U.S. Rebukes Russia Over Syria Strikes; American official said Islamic State does not appear to be the target [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 30.09.15. – URL: <https://www.wsj.com/articles/putin-seeks-parliaments-approval-for-use-of-force-outside-russia-1443600142>. – Дата обращения: 05.04.17.
2. Solomon J. U.S., Russia Agree to Implement Syria Cease-Fire; Cessation of hostilities won't apply to Islamic State, Nusra Front [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 22.02.2016. – URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-russia-agree-to-implement-syria-cease-fire-1456167206>. – Дата обращения: 06.04.17.
3. Hodge N. Putin Says Russian Forces to Begin Syria Withdrawal; Unexpected announcement followed call between Russian president and Syrian President Bashar al-Assad [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 15.03.16. – URL: <https://www.wsj.com/articles/putin-orders-withdrawal-of-some-russian-forces-from-syria-1457980402>. – Дата обращения: 08.04.17.
4. Abdulrahim R., Ballout D. Syrian Regime Regains Control of Palmyra From Islamic State; ISIS militants remain in control of a few neighborhoods of ancient city, activists say [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 27.02.2016. – URL: <https://www.wsj.com/articles/syrian-regime-regains-control-of-palmyra-1459065134>. – Дата обращения: 04.05.17.
5. Abi-Habib M., Raydan N. Syrian Leader Vows Fight Despite Truce // The Wall Street Journal. – 13.09.16. – Vol. XXXIV No. 158. – P. A3.

6. Raydanin N., Fassihi F. and Schwartz F. Syria Aid Convoy Hit; Regime Says Truce Over // The Wall Street Journal. – 20.09.16. – Vol. XXXIV, No. 163. – P. A1-A2.
7. Fassihi F. U.N. Report Finds Chemical Weapons Used by Syrian Regime, Islamic State; Investigators identify use by government in two incidents, by militant group in one; culprit unclear in six other cases [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 24.08.16. – URL: <https://www.wsj.com/articles/u-n-report-finds-chemical-weapons-used-by-syrian-regime-islamic-state-1472092954>. – Дата обращения: 01.04.17.
8. Abdulrahim R. Syrian Army Says Government Has Full Control of Aleppo; Loss caps string of defeats for opposition rebels riven by internal conflicts. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 22.12.16. – URL: <https://www.wsj.com/articles/aleppo-evacuation-nears-end-red-cross-says-1482402010>. – Дата обращения: 10.04.17.
9. Hodge N., Raydan N. Russia Seeks Backing for New Talks on Syria; Plan would give Moscow greater voice in efforts to broker an end to six-year conflict [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 28.12.16. – URL: <https://www.wsj.com/articles/russia-seeks-backing-for-new-talks-on-syria-1482968218>. – Дата обращения: 20.04.17.

Приложение В

Breitbart

1. Chastain M. US Has No Clue Who Russia is Bombing in Syria, But It's Not ISIS [Электронный ресурс] // Breitbart. – 30.09.15. – URL: <http://www.breitbart.com/national-security/2015/09/30/reports-russian-airstrikes-not-targeting-isis/>. – Дата обращения: 19.04.17.
2. US, Russia agree on Syria cease-fire plan; questions remain [Электронный ресурс] // Breitbart. – 22.02.16. – URL: <http://www.breitbart.com/news/us->

- [russia-agree-on-syria-cease-fire-plan-questions-remain/](#). – Дата обращения: 20.04.17.
3. Putin Says Russians to Start Withdrawing from Syria, As Peace Talks Resume [Электронный ресурс] // Breitbart. – 14.03.16. – URL: <http://www.breitbart.com/jerusalem/2016/03/14/putin-says-russians-to-start-withdrawing-from-syria-as-peace-talks-resume/>. – Дата обращения: 22.04.17.
  4. Islamic State Driven Out Of Syria's Ancient Palmyra City [Электронный ресурс] // Breitbart. – 27.03.16. – URL: <http://www.breitbart.com/middle-east/2016/03/27/islamic-state-driven-out-of-syrias-ancient-palmyra-city/>. – Дата обращения: 23.04.17.
  5. 'Last chance' Syria ceasefire takes effect [Электронный ресурс] // Breitbart. – 12.09.16. – URL: <http://www.breitbart.com/news/last-chance-syria-ceasefire-takes-effect/>. – Дата обращения: 25.04.17.
  6. US clings to hope of truce as Syria sinks into chaos [Электронный ресурс] // Breitbart. – 20.09.16. – URL: <http://www.breitbart.com/news/us-clings-to-hope-of-truce-as-syria-sinks-into-chaos/>. – Дата обращения: 26.04.17.
  7. Report: Syria used chemical weapons in 2015 attack [Электронный ресурс] // Breitbart. – 22.10.16. – URL: <http://www.breitbart.com/news/report-syria-used-chemical-weapons-in-2015-attack/>. – Дата обращения: 28.04.17.
  8. Syrian government takes full control of Aleppo after 4 years [Электронный ресурс] // Breitbart. – 22.09.16. – URL: <http://www.breitbart.com/news/syrian-government-takes-full-control-of-aleppo-after-4-years/>. – Дата обращения: 29.04.17.
  9. Putin announces Syria truce deal, peace talks [Электронный ресурс] // Breitbart. – 29.12.16. – URL: <http://www.breitbart.com/news/putin-announces-syria-truce-deal-peace-talks/>. – Дата обращения: 02.05.17.

1. Virtue R. Russia acts against ISIS: Putin's bombers fire in campaign to wipe out ISIS in Syria [Электронный ресурс] // Daily Express. – 30.09.15. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/608903/Russia-bombers-to-Syria-hours-Assad>. – Дата обращения: 19.04.17.
2. Mowat L. Russia and US agree ceasefire in Syria as Putin calls it a chance to stop ISIS 'bloodshed' [Электронный ресурс] // Daily Express. – 23.02.16. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/646572/Russia-US-airstrike-ceasefire-agreement-Syria>. – Дата обращения: 20.04.17.
3. Sykes S. Putin's war on ISIS is over: Russia pulls troops out of Syria and says job is done [Электронный ресурс] // Daily Express. – 15.03.16. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/652534/Russia-pulls-troops-from-Syria-ISIS-Putin>. – Дата обращения: 22.04.17.
4. Smith O. Historic city of Palmyra 'completely' retaken from ISIS after Putin bombing blitz [Электронный ресурс] // Daily Express. – 27.03.16. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/655877/Palmyra-ISIS-Islamic-State-Syria-recaptured-Vladimir-Putin-Russia>. – Дата обращения: 23.04.17.
5. Giannangeli M. Boris Johnson welcomes new US-Russia Syrian peace deal [Электронный ресурс] // Daily Express. – 11.09.16. – URL: <http://www.express.co.uk/news/politics/709381/Boris-Johnson-welcomes-US-Russia-Syrian-peace-deal>. – Дата обращения: 25.04.17.
6. Oliphant V. Russia blamed by US for deadly airstrike on Syrian convoy that killed 20 aid workers [Электронный ресурс] // Daily Express. – 20.09.16. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/712711/Russia-responsible-deadly-airstrike-Syria-aid-convoy-killed-20-US-claims>. – Дата обращения: 26.04.17.
7. Oliphant V. US attacks Russia: Washington issues warning for those who use Syrian chemical weapons [Электронный ресурс] // Daily Express. – 28.09.16. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/726422/US-attacks-Russia>

- [warning-sanctions-Syria-chemical-weapons-Bashar-al-Assad](#). – Дата обращения: 27.05.17.
8. McKinstry L. Far from a descent into hell Aleppo may be step toward peace in Syria, says Leo McKinstry [Электронный ресурс] // Daily Express. – 22.12.16. – URL: <http://www.express.co.uk/comment/columnists/leo-mckinstry/746302/aleppo-syria-president-assad-russia-al-qaeda-islamic-state>. – Дата обращения: 28.04.17.
9. Stromme L. Vladimir Putin announces Syrian ceasefire agreed between government and rebels [Электронный ресурс] // Daily Express. – 29.12.16. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/748256/Syrian-ceasefire-agreed-government-rebels-Vladimir-Putin>. – Дата обращения: 02.05.17.

La Tribune

1. La Russie lance aussi ses premières frappes en Syrie [Электронный ресурс] // La Tribune. – 30.09.15. – URL: <http://www.latribune.fr/economie/international/la-russie-lance-aussi-ses-premieres-frappes-en-syrie-509650.html>. – Дата обращения: 19.04.17.
2. Obama et Poutine vont-ils arrêter la guerre en Syrie? [Электронный ресурс] // La Tribune. – 25.02.16. – URL: <http://www.latribune.fr/opinions/tribunes/obama-et-poutine-vont-ils-arreter-la-guerre-en-syrie-553315.html>. – Дата обращения: 21.04.17.
3. Après la reprise de Palmyre, l'armée syrienne poursuit son offensive contre Daech [Электронный ресурс] // La Tribune. – 26.03.16. – URL: <http://www.latribune.fr/economie/international/apres-la-reprise-de-palmyre-l-armee-syrienne-poursuit-son-offensive-contre-daech-559840.html>. – Дата обращения: 21.04.17.
4. Syrie : Moscou et Washington s'accordent sur une trêve, Paris applaudit [Электронный ресурс] // La Tribune. – 10.09.16. – URL:

- <http://www.latribune.fr/economie/international/syrie-moscou-et-washington-s-accordent-sur-une-treve-598121.html>. – Дата обращения: 24.04.17.
5. Tenzer N. Moscou et Damas commettent des crimes de guerre : et maintenant? [Электронный ресурс] // La Tribune. – 12.10.16. – URL: <http://www.latribune.fr/opinions/tribunes/moscou-et-damas-commettent-des-crimes-de-guerre-et-maintenant-606872.html>. – Дата обращения: 27.04.17.
6. Syrie : les Russes sont-ils devenus les maîtres du jeu? [Электронный ресурс] // La Tribune. – 25.12.16. – URL: <http://www.latribune.fr/opinions/tribunes/syrie-les-russes-sont-ils-devenus-les-maitres-du-jeu-626805.html>. – Дата обращения: 27.04.17.